

Валерий Большаков

Целитель-8

Валерий Петрович Большаков

Целитель-8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68620594

SelfPub; 2022

Аннотация

Михаил Гарин – немножко целитель, немножко – совок. Он спасал СССР, и вроде бы всё у него начало получаться – Советский Союз потихоньку выбирается из "застоя". А это не всем по душе. И враг наносит страшный удар...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

89

Валерий Большаков

Целитель-8

Пролог

*Вторник, 7 марта 1978 года. Вечер
Москва, улица Малая Бронная*

Солнце село, но сумерки не сгущались, набухая той пронзительной синевой, в которой город виделся полным неразгаданных таинств. Над крышами полыхали закатные знамёна, и в их победном сиянии тени сливались в потемки, пряча скучную явь за смутным покровом вечера.

– Даже свет не хочется зажигать, правда? – негромко проговорила Рита, подходя и легонько прижимаясь.

– Правда, – вытолкнул я, тиская девушку сильнее.

Улыбка поневоле изломила мои губы. Вот, вроде бы ничего особенного не произошло – по-прежнему рассеянно гляжу за окно, но уже вдвоем – и это придает бездумному созерцанию глубочайший, едва ли не сакральный смысл.

– Тебя что-то тревожит? – шепнула Рита, щекоча ухо теплым дыханием.

– Да так... – кисло усмехнулся я. – Мировые проблемы.

– К столу! – гулко разнесся по коридору голос Светланки.

– Всегда готовы! – жизнерадостно отозвался Изя.

Я напряг слух. Сейчас тебе от Али ответка прилетит, юный пионер...

– Ой, ну ты как скажешь!

– А чё?

– Ой, да садись ты уже...

Хихикнув, Рита взглянула на меня.

– Пошли?

Я молча приобнял ее за талию, и повел в гостиную. Света с Тимошей накрыли большой овальный стол – опустили на камчатную скатерть пузатую супницу с бордово-янтарным борщом, разложили хлеб в фигурных вазочках, а на флангах отливало глянец крепкое и крепленое.

Прозрачная насквозь, бутылка «Столичной» ничего не скрывала в своей грубой спиртной простоте. Затемненное стекло «Киндзмараули» как будто прятало кавказское солнце, растворенное в красном соке лоз, а вот коньяк «Армения» выставлял настой цвета крепкого чая напоказ, однако таил в себе нутряной жар и хмельное коварство.

– Тимоша, ты что будешь? – Дюха Жуков подался вперед, тщась услужить капризной подруге.

– Ну, не зна-аю... – затянула Зиночка.

– Коньячку, может?

– Нет, – Тимоша исполнила сценку из «Бриллиантовой руки»: – Только вино!

Я оглядел пришедших. Ряды редеют...

Юрка Сосницкий на службе, Наташа в командировке, Маша в роддоме. Женьку мы еле утащили оттуда – молодую жену положили на сохранение, ей еще дня три до срока. Ну, и чего там молодому мужу делать? Пускай лучше готовится стать отцом...

– Всем налили? – звонко спросила Света.

– Всем! – авторитетно подтвердил Изя.

Шевелёва глянула на меня, уловила кивок, и встала. Гости притихли, а Светлана, задумчиво покачав бокал с рубиновым содержимым, заговорила, невесело улыбаясь:

– Сегодня я особенно сильно чувствую себя взрослой. Раньше – помните? – мы собирались на дни рождения... потом свадьбы пошли... А теперь у нас – поминки. Сорок дней, как погиб Игорь Максимович. Мне очень жаль, что я мало знала Котова, совсем мало. Мы и встречались-то с ним пару раз, наверное, но теперь я прописана в его квартире, а здесь всё напоминает о нем – книги, картины, даже вот эта посуда... Земля ему пухом!

Изя простодушно потянулся бокалом, и Ефимова тут же прошипела негодуяще:

– Не чокаясь!

Улыбнувшись безуспешности Алькиных воспитательных потуг, я поднес к губам рюмку. Коньячок припахивал изюмом. Не люблю терпкий, обжигающий вкус, но ощущать, как тепло стекает по пищеводу, грея и пьяня, приятно. А наваристый борщ на закуску... Что может быть лучше?

– Давай, я за тобой поухаживаю, – сказала Настя с ворчливой нежностью, и щедро наложила мне «борщецкого».

– Да куда ж ты мне столько! – всполошился я.

– Лопай, лопай, – заулыбалась сестричка.

Рита засмеялась, и притянула ее к себе. Обе стали шептаться и хихикать, делясь нескромными девичьими секретами, а Изя важно провозгласил:

– Мужики, покурим, может?

– Ой, тоже мне, куряка нашелся! – недовольно забурчала Аля.

– А чё? Да я ж не в себя, я так только, дым пускаю за компанию! – завилял Динавицер.

– Ой, да иди уж...

Натужно посмеиваясь, Жека направился к высоким дверям балкона. Дюха с Изей утопали за ним.

– Рит! – жалобно воззвала Тимоша. – И почему твой Миша не курит?

– Не любит! – ослепительно улыбнулась моя суженная. – Да, Миш?

– Угу... – отозвался я, делая вид, что всецело поглощен борщом. – Свет, а ты ничего не хочешь нам рассказать?

– Ох, забыла совсем! – всплеснула руками Шевелёва. Ее лицо на миг приняло виноватое выражение, но тут же изобразило деловитость, лишь на скулах розовели пятна смущения. – Я тут немного... м-м... поисследовала нашу приобретенную потенцию и... Короче говоря, та самая Сила,

как ее называл Котов, или психодинамическое поле, как ее называю я, генерируется в мозге особым сростком нейронов, связанным с лобными долями, с гипоталамусом... Ну, тут еще изучать и изучать! Предположительно, у части людей с самого рождения вот тут, – пальцем Света коснулась лба, – возникают зачатки... м-м... назовем это метакортексом. Как правило, они «спят» до самой кончины индивида, но иногда, хоть и очень редко, активируются. При сильнейшем стрессе или под воздействием энергии мозга – вот, как у нас с вами, – оглянувшись на балкон, откуда доносились невнятные голоса, она заговорила быстрее. – Не пустим мальчиков в эгрегор, нам и одного хватает... В общем, выводы такие. Во-первых, мы все, кроме Насти, уже можем обойтись без Мишиной помощи. Во-вторых, получается, что он, когда с нами делился, расходовал слишком много Силы – и она резко убывала в нем. Сейчас Миша почти сравнялся с Ритой по своей метапсихической потенции...

– Ой, ну это же несправедливо! – взволновалась Альбина.

Я доел борщ и успокоительно улыбнулся Насте.

– Не волнуйся, поделюсь с тобой... Уж не настолько обессилел! Девчонки, да знал я, что деление – это вычитание. Но не причисляйте меня к раздавам! Спасибо Котову, научил концентрировать энергию. Да, что-то я утратил, но это всё – мелочи! Вы главное поймите – собирая, пестуя эгрегор, я таки добился того, чего хотел. Девушки, подруженьки мои милые! – у меня это получилось не игриво, а очень даже про-

чувствованно. – Когда мы вместе, нам уже никто не страшен. Вы даже не представляете, на что способны! Я ослабел лишь для того, чтобы сила эгрегора выросла в разы! – и подпустил к губам улыбку: – На что только не пойдешь ради коллектива! И теперь для меня основное – ваше доверие, ваше сопереживание, общее понимание цели...

– Ой, да мы тебе и так верим! – воскликнула Ефимова.

А Тимоша, словно уловив исходившие от меня волны непокая, спросила тревожно:

– Что-то случилось?

– Может случиться, – сдержанно ответил я, и усмехнулся неловко: – Вчера мне было видение... О том, что произойдет этим летом.

– Рассказывай! – велела Рита.

– Лучше не словами, – замылся я. – Соберемся попозже «хороводом», раскрою вам... хм... душу – сами увидите...

Грюкнула, задребезжала балконная дверь. Кто-то бубнил:

– Мальчик... Девочка... Какая разница?

– Лично я – за девочек! – выразил свое мнение Изя.

– Да пуркуа бы и нет? – вздохнул Зенков, раздергивая занавески. – Я ж не против... Скорей бы только!

Девушки, словно по команде, склонились над столом, перегорая от любопытства.

– Ой, ну скажи, скажи, что ты видел! – заныла Альбина, ерзая в нетерпении.

– Что будет? Что будет? – поддакнула Светлана в Маши-

ной манере.

– Атомная война, – сухо обронил я, и сжал губы.

Глава 1.

Суббота, 11 марта. Утро

Москва, Комсомольская площадь

Всегда питал самые нежные чувства к Ярославскому вокзалу – для меня, в бытность дальневосточником, его высокие крыши в стиле а ля рюс доказывали, наглядно и зримо: «Ты в Москве!»

Шум, суета, гулкие голоса дикторов, крики носильщиков, басистые гудки не утомляли, а тонизировали.

Остановившись, я смотрел, как широкомордый тепловоз, бликуя прожекторами и пыхтя, доволоч состав и замер. Волною прокатились лязги, скрипы, шипенья...

С неистребимым жестяным призывком заговорил серебристый динамик:

– Поезд «Свердловск – Москва» прибыл на вторую платформу...

Пружинисто ступая, я выбрался к нужному вагону с точностью до секунды – Наташа Ивернева как раз показалась в дверях тамбура. Заозиралась беспокройно, увидела меня – и просияла.

«Ну, еще бы, – подумал я с почти родственной теплотой, –

неделю шефа не видела...»

Девушка сошла на перрон с изяществом Плисецкой. Прильнула на секундочку, чмокнула по-приятельски, без наигрыша, но и не совсем в щечку. Хотя платонического поцелуя у Наташи и не выйдет – пока дотянется до моих губ, груди вдавятся, как два мячика. И, если в такой момент градус крови не скакнет, то одно из трех – вы или женщина, или особь с радужными наклонностями, или дерево.

– Привет! – воскликнула секретарша и зарделась, словно уловив потаенные мысли.

– Привет! – ответил я, касаясь вытянутых губок, и снова с удовольствием ловя упругое касание. – Давай свой чемодан...

Подхватив ручную кладь, я зашагал, поглядывая на спутницу.

– Как съездила?

– Удачно! – Наташа закинула ремень сумочки на плечо, легко переходя на деловитый тон.

У нее, вообще, здорово развита чувствительность, доходя до тончайших перепадов настроения. Ивернева всегда остановится вовремя, балансируя у опасной черты, но не позволяя себе переступить грань дозволенного. Наши с ней невинные игры на тему «Может ли мальчик дружить с девочкой?» – всего лишь приятное баловство.

– Модульные протезы уральцы запустили в серию, – докладывала Наташа. – Сейчас они маракуют над бионически-

ми моделями – с датчиками, шестеренками и моторчиками, чтобы безрукий мог сам брать стакан или, там, кисть. Фронтвикам – без очереди. А косметические протезы, так те вообще! От живой конечности не отличишь! И с виду, и на ощупь. Нет, правда, молодцы! Ребятам обязательно надо помочь. Да, Миша?

– Да, Наташа, – улыбнулся я, выходя на площадь. Серый «Ижик» затесался в моторизованное стадо кургузых «Москвичей», но не слился с автотолпой, по-прежнему выделяясь нездешними формами.

– А Рита где? – Ивернева изящно плюхнулась на переднее сиденье, и заерзала, поправляя юбку.

– Упорно постигает науки! – я сел за руль, и повернул ключ. Стартер с пол оборота завел движок – тот сыто заурчал, как кот, налопавшийся сметаны. – Кстати, тебе тоже пора.

– Пора – что? – Наташа захлопала ресницами, притворяясь глупой очаровашкой.

– Постигать, – усмехнулся я. – В смысле, поступать. Пристроим тебя на вычтех, в МГУ по блату! Хотя ты и по уму пройдешь.

– Я подумаю, – пробормотала девушка, розовея.

– Не думать надо, – в моем голосе зазвучали наставительные нотки, – а готовиться! Учти: я с тебя не слезу.

– Да ты еще и не залезал на меня, – сладко улыбнулась Наташа. Милое коварство в ее глазах сменилось блеском удо-

вольствия – теперь уже мои щеки изрядно потеплели.

– Договорись, – буркнул я.

Вполне удовлетворенная маленькой победой, Ивернева мигом перевела стрелку разговора.

– Там от девчонок «е-мэйл» приходила... Или приходил? Как правильно? – защebetала секретарша. – В общем... Они рассказали, ты... как это... ванговал, да? – ее глаза голубели изощренной невинностью. – И что там, в будущем?

– Ничего хорошего, – вытолкнул шеф, избавляясь от неловкости. – Как бы тебе... Понимаешь... – я задумался. – Блин, не знаю, с чего начать! Да просто не любят на Западе, когда мы становимся сильнее. Боятся они! И конкуренции не хотят. Вот и гнобят по-всякому. Санкции вводят, эмбарго всякие, в конфликты втягивают... – моя мысль кружила вокруг да около, подбираясь к сути. – А мы, вон, как на Ближнем Востоке развернулись! Саудовцев в пустыню загнали, Багдад отжал у них нефтепромыслы, берберы шалят от гор Атласа до Нила, вот-вот в Иране полыхнет... Американцы сразу забеспокоились, уже два авианосца пригнали с охранением. «Энтерпрайз» в Аравийском море болтается, «Джон Кеннеди» – в Персидском заливе. А наши их сковывают! Там сейчас «Минск» дежурит, три ракетных крейсера, атомарины... Да чего тут рассказывать! Дай руку.

Наташа быстро протянула узкую ладошку, и я сжал тонкие девичьи пальцы. Отрешился от земного, сосредоточился...

...Советская группировка ВМФ могла выдать тридцать две ракеты в первом пуске, и шестнадцать – во втором. Это сильно нервировало штатовцев, атмосфера наэлектризовалась до того опасного предела, когда любой пустяк мог грянуть последним громом. А море стелилось необъятной лазурью, переливаясь на солнце, набрасывая колеблющуюся световую «сеточку» на необъятный серый борт «Минска». ТАВКР следовал полным ходом мимо АУГ вероятного противника – силуэт «Энтерпрайза» топорщился на краю небес малозаметной щербинкой, зато в полумиле от флагамена советской эскадры двигался параллельным курсом крейсер «Уэйнрайт». Вероятно, его кэп увлекся поиском атомной «Щуки», не подозревая, что субмарина скользит прямо у него под днищем, прячась в лиловой глубине.

Всё началось в лучезарном воздухе, тронутым горячим дыханием пустыни. К «Фантомам» и «Крусайдерам», вившимися над морем, советские моряки привыкли, отслеживая вражескую авиацию в условиях, приближенных к боевым. Когда над «Энтерпрайзом» зареяла мелкая мошка – противолодочный «Викинг», с палубы «Минска» поднялось звено «Як-38». Взлетев с короткого разбега, итурмовики просвистели над «Уэйнрайтом», неся убийственный спецбоеприпас – атомные бомбы РН-28.

Выполнял ли пилот «Викинга» приказ или допустил губительную оплошность, не ясно. С борта «Минска» только и видно было, как самолет качнулся, то ли роняя, то ли

сбрасывая глубинную ядерную бомбу В57. Она канула в море, пробуждая десять килотонн скомканной энергии. Волны вздыбились горой бурлящей пены. И грянул гром...

Корпус атомарины «Сёмга» не выдержал удара. Взрыв сдул с «Минска» и «Уэйнрайта» антенны, креня корабли и ломая надстройки. Воздушной волной смело и «Викинга», и «Яки», а вот «Щука» приняла бой. Люки торпедных аппаратов, в гуле движков и блеске пузырей, покинули одиннадцатиметровые «Киты». Они, правда, несли не специальную БЧ, но и от полутонны тротила «Энтерпрайзу» достанется не хило.

Целое стадо «Китов» несло в глубине, нашаривая завихрения воды – кильватерную струю, взбитую винтами, гидролокатор сканировал даже спустя часы после прохода корабля.

А наверху в это время разгоралось морское сражение. У фрегатов «Хепбёрн» и «Грей» с направляющих срывались ракето-торпеды «АСРОК», расходясь веером, вот только без толку – доставали они едва на девять километров, а «Щука» благополучно выгребала за тридцать кэмэ от АУГ.

БПК «Севастополь» и «Владивосток», втроем с крейсером «Грозный», обстреливали американцев «Базальтами» – ракеты взлетали в реве и грохоте, сбиваясь в стаи и распределяя цели. Одну из ПКР со спецзарядом сбили, зато другая нашла свою мишень – атомный крейсер «Лонг Бич» исчез в адском пламени распада.

А торпеды 65-76, ласково прозванные «Китами» за величину и мощь, уже заходили в корму «Энтерпрайза», не обращая внимания на поплавки буксируемых шумовых ловушек «Никси». В воду полетели противолодочные торпеды Mk.46, но было уже поздно. На перехват бросился крейсер «Фокс» – чудовищный взрыв переломил его пополам. Прикрыть авианосец не удалось – первый из «Китов» рванул под кормой «Энтерпрайза». Гигантский корабль сотрясся от киля до клотика. Еще одно смертельное ранение... И еще...

Поднятые самолеты кружили в воздухе бессмысленным роем, утратив свой улей – содрогаясь, авианосец кренился, роняя за борт «Орионы», не успевшие взлететь. Два или три «Базальта», пробившись сквозь заслон ПВО, вошли в палубу, как гвозди в трухлявую доску – и вскрыли ее, вывернули наизнанку, пряча распоротое нутро корабля за дымом и пламенем...

– ...А Б-52 уже летели к нам через Северный полюс, и бомбоотсеки у них были полными, – сумрачно выговорил я, отпуская Наташину ладонь. – Ну, как тебе картинка?

Девушка рассеянно постучала пальчиками по губам.

– Ужас... – неугомонные пальцы взялись накручивать золотистые волосы. – Но как будто чего-то не хватает. Не знаю... Может, это мне одной так показалось? Твои мысли-образы... ну, картинка эта – она немного... плоская, что ли. Как будто в кино, а не в жизни.

– Пожалуй... да, – согласился я. – Лично меня другое смущало. Ну, ладно. Допустим, летом... не дай бог, конечно... разразится «Аравийский кризис». И что? Ну, пусть даже сцепимся мы, напустим ядрёной копоты! И что, сразу ракеты спускать? Я видел, как откидываются крышки шахт, как оттуда прут «Минитмены», а из-под воды выскакивают «Полярисы»! Что – мир в труху, в пепел из-за чьей-то провокации? Ну-у, не знаю... Глупо как-то.

– Слушай... – осторожно проговорила Ивернева. – А, может, ты ошибся? – и заспешила: – Нет-нет, послушай! Мозг – очень сложная штука, и он нас частенько подводит. Да каждый может вспомнить, как он шел-шел в темноте, и было страшновато, и вдруг как померещится фигура чудища – вот-вот набросится! А утром смотришь – тьфу ты! Да это дерево! Или куст. Обман зрения! Мы же никогда, по сути, не видим того, что существует в реале, а лишь образ, созданный мозгом. Так и тут, с пророчествами. Обман ясновидения! Пришла информация из будущего, а мозг ее так исковеркал, так исказил, что впору бомбоубежище искать!

– Да мы и слышим не то, что есть, до нас доходят звуки, отфильтрованные мозгом, – с энтузиазмом подхватил я. – Наши «маленькие серые клеточки» работают до того ухищренно, что шум листвы легко смикшируют в крик о помощи!

И мы с Наташкой стали наперебой вспоминать забавные случаи, о которых со смехом вспоминаешь при свете дня, зато, когда они происходят в ночном мраке, поневоле оплы-

ваешь липким страхом. Мне до того понравилась гипотеза Иверневой, до того легко и просто снимала она вину и непо- сильную ношу ответственности, что я, воспарив душою, бол- тал без умолку. Не замечая даже, как Наташины губы раз- двигаются все шире и шире, продавливая милые ямочки на щечках.

Не выдержав, девушка прыснула в ладонь, лукаво косясь на меня.

– Что? – не понял я, обрывая многоглаголание.

– Шеф, – хихикнула секретарша, – поедем, может?

Словно проснувшись, я глянул за ветровое стекло – там по-прежнему ракетировал к небу серый объем «Ленингра- да». Людская толчея у вокзалов растекалась ручейками – ко- му в метро, кому в камеру хранения или к кассам, а кому – на мякоть сидений светло-оливковых «Волг» с шашечками.

– Заговорила меня совсем! – пробурчал я, особо не сму- щаясь.

Наташа шлепнула меня по плечу, изображая ласковую обиду, и пикап тронулся.

«Всё будет хорошо, – прыгало у меня в голове. – И даже лучше!»

Не помогало. Заковыристый вопрос висел, беспокоя, как красный сигнал «Выхода нет»: как же я смог увидеть буду- щее? «Сила» во мне держалась, но мало, чтобы ванговать.

Всё происходило так, как говорил Котов. Я и девчонок своих надурил слегка, утверждая, будто из-за них ослабел.

«Да куда там...»

Не знаю уж, в чем измерять энергию мозга (может, в мегафрейдах?), но ее «напряжение» падало всю осень и зиму, установившись накануне весны. Я даже из ридеров выбыл! Нет, я брал Ритины мысли, когда она тискалась рядом, но самому слать телепатемы силенок не хватало. Только втроем или вчетвером, с девчонками из эгрегора.

Если честно, то я не слишком расстраивался – в джедаи никогда не рвался, а уж в кисатц-хадерахи и подавно. Мне так спокойнее. Хоть уровень целителя и самый низкий для метагома, зато стабильный. Пожизненный.

Но как же тогда быть с видением термоядерного апокалипсиса? Раз уж сам не гожусь в пророки, стало быть, предсказание мне слал другой ридер? Так ведь? А вдруг...

Вдруг он из будущего? Может, вообще все прорицания оттуда, из туманной послезавтрашней дали?!

«Чудны дела твои, человече...»

*Воскресенье, 12 марта. День
Москва, улица Малая Бронная*

Большая квартира наполнилась суетой, радостной и бестолковой. Девчонки пищали за дверью спальни, но их мощное сюсюканье перебивалось пронзительным «Уа-а-а!» Звучало почти как одинокое «ура!», знаменуя очередную победу жизни.

Мягко улыбаясь, я посмотрел на распаренного Женьку. Он не спал всю ночь, забывшись на рассвете. Прикорнул, сидя за столом, из-за чего прядь волос забавно торчала, как рожок. Даже голубой берет не смог ее умять. А в шесть утра грянул телефон: «У вас девочка!» И старший сержант Зенков помчался бегом по безлюдным улицам – встречать Юлию Евгеньевну...

Изя с Дюхой заняли деревянный диванчик. Сидели тихо и смиренно. Девушки носились то вверх, то вниз по гулкой лестнице, таская пеленки, распашонки, подгузники, а эти двое провожали подруг взглядами растерянными и робкими, как будто открывая для себя нечто новое, неизведанное. Юрка Сосницкий крепился, но наверх не пускали и его.

«Сами еще не наигрались!» – фыркал он, кривя губы в снисходительной усмешке.

Первой «наигралась» Светлана. Усталая, но довольная, она тихонько спустилась в гостиную, шепотом сообщив, что «обе умаялись и спят!»

На цыпочках сошла Рита.

– Поднялся бы, – сбрасывая просветленное умиление, она обняла меня за руку. – Тебя бы точно пустили.

– Не хочу выделяться, – тепло улыбнулся я, и кивнул на Жукова с Динавицером: – Глянь, сплошная кротость.

Девушка хихикнула, и обернулась к растрепанному Жеке.

– Отмечаешь, папочка?

– Да я по чуть-чуть, – застыдился Зенков, – а то, боюсь,

развезет. Хоть как-то нервы унял! – широко размахнувшись, он пожал мне руку: – Спасибо, что Машку в тот роддом пристроил – рядом почти! Никогда еще так кроссы не бегал! Ха-ха-ха!

– Ш-ш-ш! – рассерженно зашикала Светлана из темного коридора. – Спят же. Пошлите, отметим...

– Не пошлите, а пойдемте, – расплылся старший сержант. – Нерусь!

Шевелёва показала ему розовый язычок, и скрылась. За нею утопал «папаша», ступая по паркету в одних носках. Рита прильнула ко мне, заглядывая в глаза, и нежно спросила:

– А меня ты тоже в «тот роддом»строишь? М-м?

– Рано тебе по материнству скучать, – строго ответил я. – Сама еще, как дитё!

Девушка прижалась крепче, поцеловала меня в шею, и шепнула на ухо:

– Бережешь, да?

– Берегу, – твердо ответил я. И подумал, что вся моя мужественная жесткость потечет как воск, лишь только Рита захочет от меня ребенка по-настоящему. Заласкает так, что я исполню ее желание. Уж если Инке удалось, то Марику и подавно.

«Только пусть будет девочка, – вздохнул я, мысленно капитулируя. – Ну их, пацанов этих...»

Тот же день, позже

Рехавам Алон вполне доверял своим «гвардейцам», но не сидеть же вечно в кабинете, надо хоть изредка и «в поле» бывать. А то утратишь наработанное годами чутье. Да и мозги не бывают лишними, особенно его ум, заточенный на мгновенный анализ.

Слегка припадая на ногу, раненую в Бейруте, полковник вышел на крошечный балкончик. Квартал тут тихий, заселенный торговцами средней руки, чиновниками и старичками-рантье. Да и весь район Эвин благополучный до тошноты. Окунаясь в пышную зелень, он докатывался волною крыш до отрогов Эльбурса.

Алон сощурился, фокусируя взгляд на угловатом сером строении, что угрюмым утесом воздвиглось над глянцевым разливом листвы. Тюрьма Эвин.

– Рабби... – несмело позвал Ариэль.

– Иду, Ари, – Рехавам развел тяжелые гардины и шагнул в комнату.

Четверо «гвардейцев» обступили стол – свисавший над ним абажур с бахромой бросал свет на ватман с планом тюрьмы. Белый лист упрямо желал свернуться, и бумажные углы прижали парой пистолетов, здоровенным револьвером «Магнум» и шипевшей рацией «уоки-токи».

«Кадр из голливудского боевика!» – улыбнулся Алон, ощущая полузабытое возбуждение.

– Показывай, Ари, – велел он, упираясь ладонями в столешницу.

Сосредоточенный и собранный, Кахлон кивнул.

– Тюрьма новая совсем, ее выстроили по приказу шаха лет шесть назад, – заговорил он отрывисто. – Внутри несколько общих блоков-баров на сорок человек каждый и два отделения – мужское и женское – по десять одиночных камер...

– Местечко оч-чень неуютное, – вмешался Юваль. – И шесть туалетов на триста человек! А «одиночки»... Тесные бетонные коробки! Вверху вечно включенная здоровенная лампа дневного света, внизу – потертый коврик на цементном полу. И больше ничего!

Ари кивнул и продолжил:

– За все годы – ни одного побега. Штурмовать Эвин бесполезно и бессмысленно. Подкупить тюремщиков? В принципе, это возможно, но не в нашем случае. Деньги-то найдутся, а вот время... К тому же персы сходны с арабами в трусости и необязательности.

– Да и охрана САВАК бдит, – кивнул Алон. – Идеи есть?

– Мы должны действовать буквально с налету, рабби! Что, если использовать «вертушку»? – Кахлон заспешил, словно боясь, что ему не позволят изложить план. – Два раза в неделю, по вторникам и пятницам, Масуда Раджави выводят на прогулку во внутренний двор-колодец. Это единственная возможность вытащить его из застенков!

– Я бы предложил «Хьюи-Ирокез», – Гилан Пелед при-

поднял голову, морща лоб. – У него не дверцы по бортам, а ворота! Удобно. А места хватит и для лебедки, и для парочки пулеметов. Изымаем Раджави – и в горы! Куда-нибудь на здешний лыжный курорт. Цион, ты же пилотировал «Хьюи»?

– Хорошая машина, – лениво протянул Ливлат. – Место для посадки мы отыщем, это не проблема. Но надо, чтобы ты нас уже ждал – отступать будем быстро. Найди хотя бы «Тойоту» заваливающую... Нет, лучше местный «Пейкан»! Тогда мы точно затеряемся.

– Найду, – кивнул Гилан.

– Будем считать, что план готов, – Алон выпрямился, складывая руки на груди, и хмыкнул: – Вчерне! Необходимо связаться с товарищами Раджави по партии... этой... как ее... «Моджахедине Хальк». Пусть передадут весточку в тюрьму, чтобы Масуд ждал нас и был готов. Миха передал имена тех, кто не скурвился. И последнее, – он внимательно оглядел всю четверку. – Ни одного промаха, парни. Ни одного лишнего слова. Шахская САВАК не лучше гитлеровской гестапо, а я не хочу потерять никого из вас.

– Мы будем крайне осторожны, рабби! – пылко высказался Ари. – Верно, ребята?

– Ага! – дружно ответили ребята.

– Ну, я надеюсь, – кривовато усмехнулся Рехавам, и забрюзжал, пряча эмоции: – Забирайте свои железяки!

«Гвардейцы» мигом разобрали оружие, и чертеж тюрьмы

«Эвин» скрутился в трубку.

Глава 2.

Вторник, 14 марта. Утро

США, штат Нью-Йорк, Хадсон-Пайнз

Аидже проснулся со знакомым ощущением – будто его голова опустела, как фляга из тыквы-горлянки. Он сел и хмуро осмотрелся. Небольшую комнатенку заботливо отделали в «индейском» стиле. Пол укрыт ковриками, сотканными в племени навахо, стены отделаны плетенкой из бамбука. Даже круглая сеточка Ловца Снов в ивовом обруче болтается над топчаном.

Целитель криво усмехнулся – бледнолицым без разницы, чья кровь бежит в его жилах. Им, что бороро, что дакота. Краснокожий, и ладно.

С усилием поднявшись, Аидже прошаркал к разбитому окну. С улицы дуло – вчера он разозлился на муть в голове, и запустил в стену бутылку с недопитым виски. А попал в стекло. Ну, и ладно...

На сквозняке даже лучше спалось, а морозов в здешних местах не знали – вон, как травка к солнцу подлащивается! Красиво...

Покатые склоны холмов Покантико, подернутые нежной зеленью, сбегали к синей ленте Гудзона. Деревья пока стояли

голыми, но елки пушились хвоей, убажывая взгляд.

Индеец нахмурился. Сколько он уже здесь? Неделю? Месяц? А, главное, *зачем* он здесь? Со вздохом Аидже отер лицо.

Холодно блеснули осколки, и целителя впервые кольнула тревога. Откуда в нем постоянная усталость? Можно подумать, он с утра до вечера дрова рубит! Тоже мне, тяжкий труд – таскаться через день к хозяину поместья. Руки наложили на впалую грудь, сцедил толику энергии, лишь бы дряхлое сердце поддержать – и свободен. Шляйся кругом, прикладывайся к бутылке...

Потоптавшись, индеец захрустел обломком стекла, и растущее беспокойство окатило его колючей волной.

«Что-то не то со мной! – подумал он по-русски. – Только вот кто бы исцелил врача... Кроме Глэйдэйнохче, некому!»

Эта мысль давно зрела в нем, но «огненная вода» глушила проблески сознания. Спасибо дыре в окне – протрезвел по холодку!

Выйдя во двор, Аидже огляделся, словно впервые рассмотрев хозяйский дом из красного кирпича, амбары и конюшню. Подъездную дорогу загородил огромный лимузин, пластавшийся над серым асфальтом. Ну, по имению и карета...

Рокфеллер в серой тройке как раз подходил к машине. Завидя индейца, он изобразил радушие.

– Доброе утро, Аидже, – заулыбался триллионер.

– Моя совершить индейский обряд, – соврал целитель, старательно коверкая язык. – Надо ехать к онондага.

Веки богатея дрогнули.

– Ричард подбросит тебя, – проскрипел он с деланной небрежностью.

– Да, – вытолкнул индеец, твердея лицом.

Тот же день, позже

Штат Нью-Йорк, резервация Онондага

Дорога стелилась под колеса бесконечной серой лентой. Аидже уминал переднее сиденье, и следил, как вьется осевая, изредка разрываясь пунктиром. Рич не особо торопился, и их «Шевроле-Блейзер» то и дело обгоняли гигантские фуры, обдавая смрадом и басистыми гудками.

Индеец усмехнулся про себя, украдкой поглядывая в зеркальце. По фривею гнали не только грузовики да автоцистерны, легковых тоже хватало. Во-он тот «фордик» тащится за ними от самого Покантико, и еще одна машина увязалась – крутобокий «Додж» следовал впереди.

«Сопровождающие!» – поморщился Аидже, откидываясь на спинку.

Всю дорогу он мучительно соображал, рассуждая и споря с самим собой, перебирая дни, как бусины четок. Воспоминания всплывали снулыми рыбами...

...В самый первый раз попав в Хадсон-Пайнз, он застал

там хозяина. Рокфеллер сидел, сгорбившись, в инвалидной коляске с моторчиком, и пялился в экран огромного телевизора. Пол-лица богатея скрывала, будто намордником, кислородная маска.

Встрепенувшись, он глухо и невнятно произнес:

– Хэлло, Аидже! Извини, что в таком виде – сердечко прихватило. Врачи велели дышать кислородом.

– Моя понимай, – наклонил голову индеец, решив сыграть роль тупого дикаря.

– Аидже! – с чувством воззвал Рокфеллер. – Я сделаю все, что ты пожелаешь, только помоги вернуть здоровье!

– Моя хотеть, чтобы ты вложил большие деньги в СССР! – выпалил целитель, с детской простотой излагая задание.

– О`кей! – часто закивал хозяин, шевеля кольчатым шлангом, как хоботом...

...Аидже наморщил лоб. Да, именно тогда его впервые отяготило непонятное утомление. Как будто, переступив порог особняка, он состарился! И ведь ничего особенного не происходило, все отлично держится в памяти.

Ну, врачевал, елозя по буржуйской груди... Ну, поглядывал на экран... Там шла очередная голливудская поделка – в голубом просторе моря встретились две эскадры, американская и русская. Плохие русские парни выпустили огромные торпеды, потопив авианосец «Энтерпрайз». Правда, хорошие американские парни первыми начали, сбросив атомную глубинную бомбу. Называется: «Бей первым, Фредди!»

Гигантские бомбовозы полетели над арктическими льдами, пятная белизну крестообразными тенями... Шахты разверзлись, исторгая клубящиеся облака дыма, будто из адовых топок, и оттуда вырвались хищные тела ракет – они взмывали наперегонки, зачеркивая небеса белесыми шлейфами... Конец фильма. Конец света.

– Подъезжаем, – молвил Ричард, минуя местные Сиракузы.

– Моя видеть, – буркнул индеец недовольно.

Щит за обочиной извещал: «Onondaga Nation. Nedrow. ½ miles».

За рекой Онондага-Крик показались приземистые домишки, выстроившиеся в три ряда.

– Моя сам, – решительно сказал краснокожий, покидая запыленный «шеви».

– Валяй, – бледнолицый зевнул и опустил спинку кресла. – Подожду...

«Жди, жди... Дождешься...»

Индеец прошелся по грязноватой улочке, натянуто улыбаясь. Жилища – так себе, и автомашины чиненые-перечиненые. Задворки «сияющего града на холме»...

Некогда гордые воины позируют для глупых туристов, напяливая на головы уборы из перьев. А ведь раньше каждое перо вручалось, как медаль за подвиг...

Поморщившись, Аидже проводил взглядом пьяного ирокеза в застиранных джинсах, и вздрогнул, уловив зов.

Однако, давненько он не воспринимал чужих мыслей!

Голова будто раздулась, и в гулкой пустоте качнулось эхо слов:

«Я приветствую тебя, Аидже».

«И тебе здравствуй, Глэйдэйнохче».

«Что привело тебя ко мне?» – мысленно спросил ирокез.

«Еще не привело...», – ворчливо сдумал индеец племени бороро.

Глэйдэйнохче передал корявую схемку резервации, отметив свое жилище фигуркой «ястреба, парящего в воздухе».¹ Бледнолицые куда как щедры – захавав бескрайние прерии, загнали бывших хозяев в неудобья.

«Алчные белые волки!»

Обойдя Длинный Дом в центре поселка, Аидже зашел во двор к старому шаману. Нынешние ирокезы – крещеные, но ведь и веру в прежнего бога-творца Таронхайавагона никто не отменял. А на подходе Отаденоне-не-оней-ватэй, первый праздник весны – «Благодарение клену»... Не отменять же веру предков, ставя на ней жирный крест!

Каркасный дом Глэйдэйнохче был обшит досками, краска на которых давно облупилась, и больше всего походил на добротный русский сарай. Но шаман приспособился – зимовал в типи с расписной покрывкой из оленьих шкур, выставленном на заднем дворе.

Откинув полог, Аидже встал на колени у очага, где горел

¹ Так можно перевести имя Глэйдэйнохче.

огонь, и присел на пятки. Шаман устроился напротив – седой индеец с бесстрастным лицом, изрезанным морщинами и шрамами. Глэйдэйнохче курил изукрашенную трубку.

Выпустив струю сизого дыма, он молча передал калумет гостю. Аидже не любил табак, но и отказать хозяину не мог. Втянув в себя пахучую, сладковатую гарь, выдохнул – и взглянул в глаза Глэйдэйнохче.

– Со мной происходит что-то странное, брат, – медленно проговорил целитель. – Я, как муха, залипшая в варенье, жужжу, но не трогаюсь с места. И мысли мои такие же вязкие – не текут, а тянутся, как загустевший мед.

Старик задумчиво кивнул.

– Чую, брат мой, – голос его звучал молодо и сочно. – Ты ослаб оттого, что белые травили тебя. У их зелья нет запаха и вкуса, но оно отбирает силу духа и тела. Отрава копилась в твоих костях, в твоих жилах, но ты вырвался из плена безволия, и выведешь яд...

* * *

Пока индеец шагал к машине, ярость, клокотавшая в нем, подостыла, а снадобье, заваренное Глэйдэйнохче, прояснило сознание, окончательно разгоняя дурманящую мглу.

Ричард скучал не внутри, а снаружи. Стоял, прислонившись спиной к джипу, и с чисто коровьей флегмой перетирал зубами жвачку.

Оглянувшись, Аидже заметил метрах в двухстах знакомый силуэт «Форда». А вон и «Додж» поблескивает открытым капотом – крепкие парнишки даже не притворялись, что копаются в моторе – топтались рядом, смоля сигаретки.

Индеец собрался, будя в себе «латентную энергию», как называл ее Марк Оти, начальник службы безопасности Рокфеллера. Мозг подчинялся неохотно, но шаманская «смазка» помогла – шестеренки в голове раскрутились, защелкали... Аидже незаметно, от бедра направил ладонь на бледнолицего, и выдал гипнотический посыл.

«Окаменей!»

Ричард недоуменно дернулся... Вернее, желание вздрогнуть пронеслось по нервам, но окостеневшие мышцы сковали тело, как тяжкие пелены – мумию. Лишь глаза испуганно забегали, да шевельнулись губы, выдавливая скрипучее:

– Что?..

– Сейчас ты мне расскажешь всю правду, – Аидже встал рядом, поворачиваясь спиной к «сопровождающим». – Будешь молчать или соврешь... – зловещая улыбка заплясала на тонких губах. – Окаменеют все твои мышцы! Легкие остановятся на вдохе и... Сам понимаешь. Чем меня отравили?

– Я... не знаю! – выдохнул белый, и заскулил: – Да правда! Там такое название сложное, на целый абзац! Только это не яд вовсе! Что ты, разве ж я им позволил бы! – подпустил он лести, юля. – Это какое-то новейшее, секретнейшее спецсредство – оно ослабляет волю, делает человека пассивным

и податливым. Тебя хватало только на лечение и... – глазки Рича забегали.

– И?.. – надавил краснокожий.

– Меня убьют, если узнают!

– Не узнают. Или тебе хочется медленно умирать от удушья?

– Нет-нет! – шумно задышал Ричард, и всхлипнул. – Яйцеголовые придумали такую штуку... Ты смотришь телевизор, который в гостиной, а ночью, как бы во сне, передаешь картинку с экрана тому русскому предиктору. Он воспринимает увиденное тобой, как собственное пророчество – и поднимает шум в Кремле!

– Предиктор убит, – деревянным голосом сказал Аидже.

Ричард наметил жалкую улыбку.

– Тебе никто не поверил! У них есть свой агент в КГБ, и он-то доложил правду – предиктор жив!

– Ах, вот как... – пробормотал индеец. – И зачем весь этот цирк?

– Ну-у... – затянул бледнолицый, облизывая сохнувшие губы. – Ты что, думаешь, меня везде пускают? Просто где-то подслушал, где-то краем глаза ухватил... пару строчек с грифом высшей секретности... Я думаю, это такая тайная операция! Раз уж нам не удалось заполучить предиктора, и ликвидировать не вышло, так они решили подставить его. Объявит этот Миха пророчество кремлевским старцам, а оно ложное! То с атомной войной, то с покушением на Андро-

пова, то еще с чем. Вот предиктор и выйдет из доверия! А то... Хм... Мы тут тужимся, козни Советам строим, а они всю нашу игру знают заранее, на три хода вперед!

– Ясно, – буркнул Аидже. – Последний вопрос. Кто такие эти «они»?

Ричард скривил лицо, будто надкусил лимон.

– Кто там всем рулит, точно не знаю, хотя и догадываюсь. Но не скажу – лучше сдохнуть! А кто с тобой занимается... – его губы изломались неприятной улыбочкой. – У тебя прямо за стенкой – огромный зал, набитый компьютерами и всякими приборами. Там постоянно крутятся ученые. Ту самую отраву с трехэтажным названием они распыляют каждую ночь, когда ты находишься... м-м... в фазе... м-м... О, вспомнил! В фазе быстрого сна! И... Там еще добровольцы или заключенные... не знаю. Их пичкают нейростимуляторами, и они как бы усиливают твою телепатию, чтобы добить до Москвы. Эрге... Эгре... Эгрегор называется!

– Ясно, – индеец повел рукой, словно освобождая белого от налипшей паутины, и резко добавил: – Забыть!

Ричард пошатнулся, и глянул на целителя с недоумением.

– Ничего себе! – фыркнул он, поводя плечами. – Стоя заснул! Ну, я даю...

– Твоя мало отдыхать, – поставил диагноз Аидже, входя в прежний образ.

– Служба! – ухмыльнулся белый. – Ну, что?

– Моя ехать обратно!

– Погнали!

«Шевроле» неспешно развернулся и покатил, набирая скорость. Накачаные молодчики, едва различимые в зеркале заднего вида, спешно побросали окурки. Моторы взревели, покрышки взвизгнули – и машины сопровождения взяли джип в «коробочку».

*Среда, 15 марта. Ближе к вечеру
Зеленоград, аллея Лесные Пруды*

К родительскому дому я подъезжал со скоростью ленивого велосипедиста. Уморился. Весь день, с самого утра, мотался по Москве и области – встречался, договаривался, объяснял, вдалбливал, согласовывал, подмахивал сам или отдавал на подпись вышестоящим, вникал в проблемы, расшивал узкие места...

И еще эти пророчества! Вот, что делать? Мне чертовски не хотелось ставить о них в известность даже понимающий и любящий эгрегор, а уж Андропова – тем более.

Но ведь придется. И что мне сказать? Так, мол, и так, Юрий Владимирович, мало мне головняка из-за послезнания, я еще и вангую! Или устанавливаю спиритическую связь с Пульсомонидой из созвездия Южного креста – сам еще толком не разобрался... Ага... Да у президента терпежу не хватит! Законопатит меня в секретный «ящик», и с усталым вздохом оправдается. Государственные интересы,

дескать. СССР превыше всего...

Я мягко подкатил к подъезду, и заерзал на сиденье. Выбил пальцами немелодичную дробь на баранке.

«Аравийский кризис»... Покушение... Что, это тоже «ошибка ясновидения»? Ага... Всё, хоть и плосковато, но четко, ярко, зримо!

По старой привычке, Андропов выедет в Ясенево. Жарким июльским днем. Закрываю глаза – и вот он, бронированный «Зил», мчится по трассе. Фигуры в камуфляже возникают словно из ниоткуда.

Гранатометы на плечах... Вспышки выстрелов... Дымные шлейфы... Пуленепробиваемые стекла лимузина на мгновение озаряются огнем – и разлетаются облаком сверкающих стразов... Game over.

Вздохнув, я вышел из машины.

«Ладно, – всплыла унылая думка, – подумаю еще... Время пока есть».

Гулкий подъезд, узкая кабина лифта приободрили меня знакомыми образами и даже запахами. В парадном вечно пахло масляной краской и, почему-то, свежими газетами.

Поднявшись на «родной» этаж, я толкнул дверь. Ну, разумеется...

Дверь стояла незапертой. Мамулька уже забыла про свои приключения! Сейчас вот как дам втык – за недостаточную бдительность!

Бесшумно скользнув в прихожую, разулся тихонько, пове-

сил куртку... И заулыбался. Мама в гостиной мурлыкала под нос что-то из репертуара Пьехи. Ну, вот как на нее злиться?

– Опять дверь нараспашку! – сказал я грозным голосом, являясь народу.

Мама в длинном халате и тапках с помпонами олицетворяла собой богиню домашнего уюта. Она живо обернулась, расцветая улыбкой.

– Ой, Мишечка! – защebetала родительница. – Выпугал меня! Что, опять открыто? Это не я, честно! Настька с Ритой в магазин побежали – и оставили!

В маминых объятиях все мои колючки опали, как рыжая хвоя с засохшей новогодней елки.

– Ох, мама, мама...

– Ох, Миша, Миша... Устал?

– Да как-то... – ответил я неохотно. – Иногда так все надоедает... Слушай, всегда забываю спросить. А папа возвращаться думает хоть?

– Думает, думает! – заверила меня мамочка. – А как же! – и добавила с оттенком гордости: – Папочку твоего назначили генеральным директором! Вчера только приказ подписали.

– Опять из Праги вылезать не будет, – проворчал я недовольно.

– Да нет же! – воскликнула родная моя женщина. – Главные-то заводы тут, в Зеленограде! – и похвасталась: – Папа твой и с диссертацией закончил!

– А вот за это надо выпить! – обрадовался я.

– Алкого-олик... – заворковала мама. Встрепенувшись, словно вспомнив о чем-то, она улыбнулась лукаво: – А мне только теперь стало понятно, кому я должна сказать спасибо... Помнишь, лет... лет семь назад ты меня за грудь ухватил? М-м?

– Помню, – забормотал я, краснея.

– Это был рак? – утишила свой голос мамуля.

– Протоковая карцинома... – удалось мне вытолкнуть, да и то через силу. – Ну, как называется, я потом узнал, а тогда... Чувствую хворь, а что делать, не соображу! Ну, вот...

– Целитель ты мой родненький... – притиснула меня мама. – Ой, ё-ё, ёжечки ё-ё... Я тогда распереживалась еще! Может, думаю, это всё выбрыки пубертата? Зря я, что ли, всё о твоих подружках вызнавала? Спасибо тебе! И за то, что вылечил, и за то, что молчал, – ласково сказала она, да так притиснула, что дышать нечем стало.

А мне как-то полегчало. Секунду спустя завозились, захихикали в прихожей, и стало совсем хорошо. Пришли мои самые родные девчонки. Сейчас полезут целоваться, начнут болтать о важных пустяках, разведут суету на кухне... И станет совсем хорошо!

Глава 3.

Суббота, 18 марта. Вечер

Зеленоград, аллея Лесные Пруды

Отец вернулся из Праги еще утром – мама ездила в Шереметьево встречать – но дома так и не появился. Запуржила, замела министерская круговерть! И по работе, и по защите докторской. Вернее, защититься-то папа успел, будучи в командировке, а нынче ему выпало самое приятное – присуждение ученой степени.

Данное событие означало, что доктор технических наук Гарин Петр Семенович задержится допоздна, ибо новенький диплом следовало обмыть на банкете. Это свято!

Семейство Гариных честно прождало своего главу до восьми вечера, и лишь затем чинно расселось за столом.

– Миша, – церемонно велела мама, поправляя прическу, – наливай!

Я скрутил пробку шампанского, и бутылка задавленно хлопнула. Пенный напиток щедро пролился в наклоненные бокалы, празднично шипя. Настя оживленно заелозила.

– Кто скажет тост? – мама улыбнулась, глядя сквозь хрустальные высверки.

– Я! – воскликнула Настя, подсакивая. Выдержала паузу, и грянула: – За папу!

Все посмеялись над емкой краткостью, и бокалы сошлись, вызванивая дробно и певуче. Да, это вам не рюмками щелкать!

Рита, пригубив полусладкого, улыбнулась мне, как будто поздравляя взглядом, и развернулась к маме.

– А кандидатскую Петр Семеныч когда защитил? Давно?

– У-у-у... – комично затянула «матриарх». – В Первомайске еще. Мы тогда полдома снимали на Автоторовской. Настя... Это сейчас она винишко хлещет, а тогда я ей молочко в бутылочке грела...

– Мам! – с укором глянула сестричка. – Можно подумать, дочка у тебя алкашка!

Я притянул девушку к себе, успокаивающе воркуя:

– Это она в воспитательных целях!

– Хоть ты меня понимаешь! – прижалась Настя, горестно задирая бровки.

– Давай, я тебе салатика наложу, – хихикнула мама, подмигивая. – Закусывать надо, пьянчужечка моя!

– Вот так всегда, – вздохнула сестренка, ковыряя селедку под шубой. – Суровые семейные будни!

А маме и самой взгрустнулось.

– Как же вы выросли... – покачала она головой. – Совсем взрослые уже... Кажется... Ну вот же, недавно Мишу в пионеры принимали, а Настю – в октябрята...

– С возрастом время начинает бежать быстрее, – философски заметил я. – Хотя... Наверное, с годами мы просто начинаем замечать его бег. И неприятно удивляемся: «Как? Уже столько лет прошло?»

– Истину глаголишь, сын мой, – печально улынулась мама. – Только самое неприятное не в прошедшем времени, а в потерянном.хлопоты, хлопоты, суета сует... Оглянешься

назад, а всё без толку. Ну, дали нам квартиру. Ну, съездили мы в Болгарию. И всё? Знаешь, Миш, как тебе папа завидовал! Даже не самим твоим успехам, а тому, как рано ты начал, не тратя жизнь зря. Да ты и мне заодно дал пинка для ускорения! – в ее улыбке проявился задор. – А то бы так и не решилась! И всё равно... Знаешь, бывает, что сомневаюсь, а стоило ли вообще начинать?

– Стоило, Лидия Васильевна, – серьезно сказала Рита. – Стоило! Вспомните бабу Клаву. Я как-то зашла к ней, прошлым летом еще, а она сидит на лавочке под вишнями – сторбилась, глядит как-то потерянно. Ну, какие тут сразу мысли? «Не заболели?» – интересуюсь. А она посмотрела на меня, и говорит, как причитает: «Господи, откладывала я, откладывала, да и отложила жизнь насовсем. Не одно, так другое, не другое, так третье... Дом, хозяйство, дети... А я все жду, когда же мне жить начинать, чтобы по-настоящему, как мечтала! Дети переженились – внуки пошли... Внуки выросли, бабушка им не нужна больше... Дождалась. А жизнь-то прошла! И не начнешь ничего, потому как кончить не успеешь...»

– Ну, мне кажется, баба Клава все-таки была счастлива, – неуверенно заговорила мама.

– Да мы постоянно твердим о счастье, желаем всем подряд, – вступил я, – и не понимаем, что же оно такое. Еще и делим его, классифицируем! Личное счастье, женское счастье, семейное... А, может, единственно тот счастлив, кто

реализовал себя? Не обязательно добиваться премий, званий и чинов, а просто заниматься любимым делом! Проще некуда, ведь на работу уходит треть жизни, день за днем... Вот и считай: или радоваться, что понедельник начинается в субботу, или тяготиться буднями! Так что... Не вздыхай, мамулечка! И на папу не равняйся – ему уже полтинник светит, а ты у нас совсем еще молоденькая! И ведь не ждешь, не откладываешь, а учишься! Окончишь, поработаешь, защитишь кандидатскую... И однажды мы выпьем за доктора химических наук!

Мама расчувствовалась и поцеловала меня, кое-как дотянувшись.

– А ты чего молчишь? – сощурилась Рита на Настю.

– Думаю, – глубокомысленно заявила сестричка. – Какое мне платье надеть на выпускной?

– А ведь правда... – поразилась Гарина-старшая. – Ей же летом аттестат получать!

– А давайте выпьем за «корочки»! – вдохновилась моя суженая. – И за Настины, и за ваши!

– И за мои, – вставил я, исполняя обязанности виночерпия. – Мне тоже сдавать летом. Ну, чтобы все мы были здоровы!

– И образованы! – быстро добавила Настя.

– И занимались любимым делом! – подхватила мама.

– И чтобы все любили друг друга! – заключила Рита.

* * *

Шампанское мы быстро «уговорили». Настя включила музыку, и я по очереди танцевал со всеми – с «диджеем», с мамой, с Ритой, опять с сестричкой. Тут Михаил Державин звал всех в «Кабачок «13 стульев», а я вышел на балкон – подышать и проветрить голову. На улице было холодно, но терпимо. В темноте зависли мутными шарами фонари, высвечивая мокрый асфальт, а дальше чернела чащоба, насылая запахи прели. И тишина...

Неожиданно она стала гулкой, и в лопнувшей пустоте возник бесплотный голос Аидже:

«Здравствуй».

«Привет! – отозвался я немного настороженно. – Ты уже здесь?»

«Нет. Мой знакомый шаман из резервации онондага собрал эгрегор из таких же, как он. Глэйдэйнохче, Викэниниш, Кэчэда и Меджедэджик обладают большой Силой, и помогают мне говорить с тобой».

«Понятно... И где ты пропал?»

«Угодил в неприятности. Меня использовали. Распылили какую-то гадость, чтобы я утратил волю, и стали через меня «гнать дэзу». Про атомную войну, про убийство Андропова...»

«Так это всё брехня?! – обрадовался я. – Вот гады! А я, как дурак, поверил!»

«На то и был расчет».

«Фу-у... Спасибо, Аидже! А то я весь изнервничался уже. Не знал, что и думать! Ты где сейчас?»

«В логове врага, – индеец послал образ улыбки. – У Рокфеллера, в «Хадсон Пайнз». Разведаю тут малость, и уйду».

«Будь осторожен!»

«Буду».

Голос затих, и пустота в голове мигом заполнилась милыми вечерними шумами – торопливым цоканьем каблучков, доносившимся с аллеи, далеким фырчаньем мотора, приглушенной музыкой за близким окном – пани Катарина пела голосом Халины Францковьяк.

Я с наслаждением вобрал в себя холодный сырой воздух, и тихонько рассмеялся, настолько велико было облегчение. Оно грело меня изнутри, задирая градус настроения. Тут завопила Настя, запищала мама, и я понял, что вернулся блудный доктор технических наук.

Женщины моего племени затащили вождя прямо в гостиную, где и набросились на него втроем, целуя, теребя, мутузя... Посмеиваясь, я дождался, пока они выпустят растрепанного, счастливого отца, и обнял его. Папа, всегда стеснявшийся проявления чувств, сам закалачил руки, тиская меня.

– Ну, вот, – ухмыльнулся он, оторвавшись, – выбился в люди! Догоняй, сын!

– Лет через десять! – смешливо фыркнул я. – Тебя как раз из член-корреспондентов в академики переведут!

Отец рассмеялся – вольно, не удерживая веселье в себе, и

мама воскликнула, выглядывая из кухни:

– Всем шампанского!

– Так ведь кончилось уже! – заголосила Настя.

– А у меня еще есть! Миша, открой, пожалуйста...

И гулянка вышла на новый уровень.

* * *

Заночевали мы с Ритой в моей бывшей комнате, разложив диван-кровать. Я лежал и улыбался. Просто так. Уж слишком хорошо складывалась жизнь – и у родителей, и в моей «ячейке общества», и вообще. А тут еще такой подарок от Аидже! Долой переживания! Долой страхи и тревоги! Да здравствует счастье и безмятежность!

Рита навалилась на меня, потерлась щекой о щеку, погладила мою руку. Я тут же вмял пятерню в тугую грудь, с наслаждением оглаживая атласную округлость.

– Ми-иша... – жарко зашептала девушка. – Ну... ты что? Шуметь же будем!

– Родители сейчас сами зашумят, – парировал я.

– Настя за стенкой...

– Она уже большая девочка! Себя вспомни.

– Сравнил... У меня же был ты!

– А я и сейчас есть...

– Правда? – мурлыкнула Рита, зажимая мою нахальную руку между ног.

– Ага! – выдохнул я.

Мы расшалились, и стали шуметь.

*Пятница, 24 марта. День
США, Ю.Каролина, Хобкау Барони*

– Мистер президент! Подлетаем!

Джеральд Форд вздрогнул, выходя из дремы, и глянул в иллюминатор. Под брюхом вертолета проплывали топкие солончаки, сверкая зеркальцами луж. Вдоль широкого песчаного пляжа клонились бурые злаки, а сабаловые пальметты мотали космами болотного цвета. Стая уток, испугавшись ревушего «Марин Уан»,² полетела над самыми дюнами, заполошно крикая, сея мелкие перья и сор.

«Будто и не ступала сюда нога белого человека... – подумал Первый Джентльмен. – Всё, как триста лет назад, застыло в дикости».

Тяжелая винтокрылая машина, чуть кренясь, взяла к западу, минуя перепады бескрайнего поля для гольфа, и зависла над площадкой с огромной буквой «Н», выведенной белым по зеленому.

Несильный толчок, и вертолет грузно просел на шасси, попирая траву. Бешеный разлет лопастей трепал верхушки сосен, выстроившихся по краю плантации и бросавших зыбкую тень на заросшую колею. К самой дороге притулился скром-

² Marine One – общепринятое название вертолета Президента США (использовались винтокрылые машины Корпуса морской пехоты).

ный домик-шелтер, рубленый из тонких бревен гикори.

На его пороге стоял, рукою прижимая стетсон, невысокий человек средних лет. Он был одет в строгую черную пару, и впрямь напоминая плантатора-южанина.

– Сэр?.. – неуверенно обратился начальник охраны, накачанный и быстроглазый.

– Побудь здесь, Томми, – мягко пророкотал Форд. – Тут безопасно.

Винт уже еле вращался, когда президент покинул «Марин Уан». Аккуратно скошенная трава пружинила под ногами, а налетавший ветерок струил будоражащие запахи – терпкая гниль, нанесенная с болот, мешалась с соленым, йодистым духом океана.

– Приветствую вас, мистер президент, – Бернارد Барух-младший небрежно приподнял шляпу. – Прогуляемся?

– Пожалуй, сэр, – наклонил голову Форд.

Он ощущал себя безродным крестьянином, представленным монарху. Благословенные Штаты выпестованы отъявленными республиканцами... заложившими американскую империю. Всей разницы, что новая знать кичится не древностью рода, а богатством. Не зря же местный автомобильный король окрестил внука Генри II...

– Скажите, сэр... – заговорил президент, лишь бы задавить в себе неприятную робость. – Ворочать триллионами – это удовольствие или тягость?

Барух усмехнулся.

– Число с двенадцатью нулями – нечеловеческое, Джеральд. Для безбедной жизни хватит и миллиона. А сотни миллиардов... Это чрезмерная, неодолимая сила. Это войны и голод у непослушных наций или стабильность и благополучие – у покладистых. Чего уж тут приятного... Лично мне тяжело, хотя и подкатывает порой довольство. Ну, что выросло, то выросло, – развел он руками. – Отец был куда жестче меня, холодней и... бесчувственней? Да, пожалуй... Порой он напоминал мне уэллсовского марсианина! А я всего лишь тщусь походить на него. Однако копия всегда хуже оригинала, даже если носят они одинаковые имена...

Форд слушал – и поглядывал искоса на своего визави. Барух мог позволить себе такую вольность, как искренность. Ведь он, и подобные ему, всегда в тени. Барухи, Рокфеллеры, Морганы... Истинные хозяева Америки! А он кто? Да так... Наемный управляющий. Верно служил – оставили на второй срок. Заартачится – могут и шлепнуть, как Кеннеди.

Оглянувшись на вертолет, уныло свесивший лопасти, Берnard сказал:

– Ну, можно поговорить спокойно, без пронирыливых свидетелей... Я думал над вашей докладной запиской, Джеральд. К сожалению, вы правы. Помните историю со Лжемихой? Нет, нет, меня вовсе не тянет беречь язвы самолюбия! Просто тогда я не поверил, что нам удалось вывезти из Советского Союза настоящего предиктора. Да скорее русские уволочут все золото из Форт-Нокса и перегрузят его на

свой крейсер! За «железный занавес» ходу нет.

– Согласен, сэр, – помрачнел Форд. – Но и терпеть нынешнее положение невозможно! Наша политика терпит крах повсюду – в Африке, в Азии, даже в Европе! Что толку задушивать всякие многоходовки, если русские всегда в курсе? Для них нет ничего тайного! Поэтому выбор прост. Уж коли мы не в состоянии переправить этого Мику к нам, а у вас не получилось его скомпрометировать, выставив лжепророком, его – объект подлежит ликвидации. Sic!

Бернард согласно покивал.

– Открою вам еще один маленький секрет, Джеральд, – зажурчал он. – Люди Рокфеллера уже пытались убрать Мику – руками таких же... м-м... паранормов. Не вышло! Увы, хорошие исполнители редки. Кстати... Думаю, вам лучше не привлекать к этой акции ЦРУ – лишняя огласка... м-м... чревата.

– Я ищу «вольного охотника», сэр, – Форд внимательно посмотрел на собеседника, словно стараясь донести до него и высказанную мысль, и невербальное желание. – Не порекомендуете?

Барух-младший будто и не услышал президента, задумавшись о своем, но вот он отмер, и украсился обаятельной улыбкой.

– Джонни Кид вас устроит?

– О-о! – изумился Джеральд. – Это был бы наилучший вариант! А разве «Крошка Джон» еще жив?

– Да ему всего сорок! – фыркнул хозяин имения. – Разумеется, услуги Джонни стоят очень дорого, но ради нашего общего дела... я все оплачу.

– Благодарю, сэр! – с чувством высказался Форд. – Такой ганмен, как Джонни, решит все мои проблемы!

– Наши проблемы, – мягко поправил его Бернارد. – И еще... – помолчав, он добавил отдельно и веско: – Нам импонирует ваша твердость, Джеральд. Так почему бы вам не переизбраться на третий срок? А за выборы не беспокойтесь – народ проголосует, как укажут газеты.

– Но... – промямлил президент, чувствуя радостный трепет. – Но поправка... чтоб не больше двух сроков...

– А это уже наша забота, Джеральд, – мягко настоял Барух-младший. – Конституция – не скрижаль, надо будет – перепишем. Действуйте! И да поможет нам бог.

Воскресенье, 2 апреля. День

Московская область, Малаховка

Пикничок удался на славу, как говорится. В кои веки выбрались на природу, посидели, поболтали, никуда не торопясь, не взглядывая на часы! Я и баньку растопил – такого пару нагнал, что мы с отцом лишь на карачках ползали, глаза выпучив и рты пооткрывав. А только приподнимешь голову – от жара волосы трещат!

Нет, мы, конечно, героически вели себя – до того расхраб-

рились, что аж на второй полок забрались. А папа, жалобно так: «Только пару больше не поддавай, не надо!» А я, с этой суровостью в голосе: «Надо, батя, надо!» И пол-ковшика квасу на раскаленные камни...

Из парной мы буквально выползли, исхлестанные вениками, зато как вольно дышалось после «пыточной»! Я уж не говорю про аппетит. Женщины после нас пошли, чтобы освободить мужчин для важного дела – шашлыки жарить.

Мне для таких дел умельцы сварганили неубиваемый мангал из серебристого сплава, а уж шампуры у Игоря Максимовича имелись отменные. Длиннее только шпаги...

Любезнейшее дело – обсыхать под солнцем, всей кожей ощущая на диво теплый воздух! Порыв ветерка то бесподобный запах хвои накинёт, то дунет коварно – и тебя окутывает ольховый дым. Жмуришься, отворачиваешься, слезу точишь, а все равно – улыбка до ушей! Простые человеческие радости – они древнее всех сомнительных удовольствий, дарованных цивилизацией.

Я внимательно следил за нанизанным мясом, переворачивая шампуры любовно, вовремя гася огоньки, слушая, как капает шипящий жир и следя голодными глазами за поджаристой корочкой. А благоухает до того аппетитно, что желудок в узел завязывается от нетерпения!

Наши прелестницы вышли еле живые – розовые, распаренные... Волосы распущены... Даже у Ритки, с ее исконно прямыми прядями, кончики завиваются... И вся трои-

ца, жалостливо так: «Мы есть хотим!» А мужское меньшинство гордо доставляет в беседку две полные миски горячего, сочного, в меру прожаренного, чрезвычайно аппетитного... Смели за каких-то полчаса! Настя, по-моему, урчала даже, когда выхватила последний кусочек...

Пошли разговоры, хихиканья, подколы... Сытые и убажженные, мы разбрелись по даче. *Dolce far niente* – вот как это называется. А уж итальянцы знают толк в ленивых приятностях.

Солнце садилось, когда семейство решило подаваться до дому. Я вывел «Ижика» на улицу, и сидел, развалясь, бездумно следя за подрагивавшей стрелкой тахометра. Щелкнула дверца, и папа, кряхтя, устроился рядом.

– Ух! – выдохнул он. – Хорошо! Вообще, хорошо!

– Еще бы! – хмыкнул я. – Гендиром утвердили, да еще и доктор наук! Будешь теперь ва-ажный ходить, секретаршу заведешь с ногами от ушей...

Отец весело засмеялся, опуская стекло.

– Ну уж длинней, чем у твоей Наташи, вряд ли найду! – чуть посерьезнев, но не сгоняя улыбку с лица, он спросил вполголоса:

– А ты Рите еще... ни с кем? – и выставил ладони: – Только без обид!

– Да о чем ты... – фыркнул я. – Риточка – красоточка, с ней даже пройти под ручку приятно. Все оглядываются! Мужики трусливо вождедеют, а женщины завидуют и злят-

ся. Однако ж... возможны варианты! Думаешь, я не вижу, какая Наташка сексуальная? Не, с основным инстинктом всё в порядке – тянет! То к той, то к этой...

– Ну, это как раз нормально... – затащил папа, наверняка вспоминая кого-то, кроме мамы. – Здоровое влечение!

– Аналогично, – улыбнулся я уголком рта. – Но дальше флирта не иду все равно. И тут дело даже не в моей верности... Или трусости... Нет. Просто не хочу обманывать Риту. Вранье – это такое паскудство... А признаться... Ну, как? Это же разрыв! Ну, или трещина в отношениях, которую хрен, когда залатаешь. А любовница? Она ведь тоже не хочет тебя с кем-то делить! В общем, измена – это целая куча проблем. Решить их, в принципе, можно – разрушив налаженную жизнь. А оно мне надо? Да и люблю я Ритку...

– Аналогично, – развел губы отец, блестя зубами. – Твоя мама – прелесть, какую не сыщешь! А женщин столько вокруг... Так и выются! Попами вертят, глазки строят...

– Это нормально! – хихикнул я. – Здоровое влечение!

Справа, между «Ижиком» и забором, неожиданно вписалась «Волга» ГАЗ-24-24. «Дублерка» наехала на плети малины, проросшие из-под штакетника, и замерла, качнувшись. Я нахмурился, узнавая кого-то из прикрепленных, а тот тоже опустил стекло.

Сотрудник 9-го управления выглядел, как полагается телохрану – крепким, неприметным. Я не стал выговаривать ему, ожидая оправданий. Холодок, правда, сквозанул по

спине, мышцы привычно напряглись, но разомлевший организм отторгал даже мысль об угрозе.

Отец мельком глянул на «Волгу», нагибаясь и кряхтя:

– Крошка, что ли, в носок попала... Мелочь, а неприятно...

Дальнейшее произошло за долгую-предолгую секунду, самую поганую секунду во всей моей жизни.

Неуловимым, отточенным движением прикрепленный выхватил ПБ с трубчатым глушителем. Мой мозг разом опустел, и только одно четкое осознание засело в голове: пуля предназначена мне.

А папа выпрямился, довольно выдыхая – удалил крошку, щепочку, камешек... Пустячок, мешавший наслаждаться жизнью.

– Нет! – крик исторгся из меня, но поздно.

Хлопнул выстрел. Пуля вошла папе в бок, он вздрогнул, и поник, мягко перекатывая голову по спинке сиденья. Широко открытые глаза заблестели льдистой корочкой.

Мертвея от ужаса, подвывая тихонько, я вышиб дверь, краем глаза замечая, как паутинками трещинок разошлось кругленькое отверстие в ветровом стекле «Волги». Убийцу отбросило на спинку, гвоздя снайперской пулей. Зазвякал оброненный пистолет.

А я рванул дверцу «Ижа», и подхватил тело отца. Выволок его на травку между двумя машинами, опустился рядом на колени... Закричала Настя:

– Папа! Папочка!

Рита, бледная впросишь, перехватила ее. Выбежала мама. Прислонилась без сил к забору, застонала и стала съезжать на землю, пока не уселась, распуская волосы по голым коленкам. Плечи ее затряслись в неслышном плаче.

– Мишечка... – всхлипнула Рита. Слезы жгли ее, она то жмурилась, то встряхивала головой, смахивая с ресниц горячую влагу.

Я всё это видел, но отчаяние было настолько велико, что эмоции будто выключились. Мои руки тряслись, когда пальцы раздергивали папину рубашку. Отец не дышал. Пульса не было.

Прошло две минуты, как он умер.

Набежали парни из «девятки». Я узнал голос Рустама, когда тот наклонился и робко, будто винась, тронул меня за плечо.

– Ты цел?

– Цел, – выдавил я, и глаза словно застило мутной полупрозрачной пленкой. Запекло.

«Плакать – потом! Третья минута на исходе!»

Я наложил руки на папин мускулистый, опавший живот, но уже не цедил Силу, отмеряя ее, как обычно, а сливал всю целиком. Без остатка.

– «Скорая» где? – трубно взревел чей-то голос.

– Вызвали! – отозвался другой, запыхавшийся. – Едет уже!

А я отдавал свою чертову энергию, проклиная и ее, и свои поганые сверхспособности. Да будь я нормальным, обычным, таким как все, и не случилось бы этого кошмара наяву!

«Ну, яви, яви чудо! Воскреси! – молил я, трясясь, как панночка. – Ну, что же ты, сука, не спасешь и не сохранишь?!»

– Мишечка! Остановись! – плачущая Рита слабо потянула меня.

– Мишечка, не надо! – вторила ей Настя дрожащим голосом.

– Надо! – выцедил я.

Смертельная усталость словно разжидила мои мышцы, превращая их в трепещущее желе. Сердце стучало неровно и слабо, с перебоями, заходясь.

Всё. Я иссяк. Опустел. За душой – ни кванта энергии мозга, или как там эту дрянь метапсихическую назовут ученые.

Но папа так и не воскрес.

А я даже зареветь не мог! С трудом выпрямившись, стоял, качаясь. Ни мысли. Ни чувства. Ничего. Внутри пустота и холод.

Тупо созерцая происходящее, я проводил глазами санитаров, уносивших отца. Даже на труп его убийцы смотрел безразлично – сдох, и ладно.

Мама с Настей уехали на «скорой», а Риту выслушивал Умар Юсупов, смуглый и бесконечно виноватый.

«Да при чем тут ты...» – мелькнуло в голове.

Я вернулся во двор, прошкандыбал по тропинке к гряд-

кам, и выбрался через калитку. Мне было неизвестно, куда держать путь, но и оставаться не хотелось. Не могло.

Перейдя горбатый мостик, скрылся в ельничке. Идти было очень трудно, каждый шаг отдавался колокольным звоном в ушах. Мне то и дело приходилось обнимать деревья, чтобы не упасть. Пережидал, пока в глазах не угаснут пульсирующие солнца, и снова брел. Переступал трухлявые стволы. Продирался через кусты. Падал и поднимался.

Уходил все дальше от тяжелой вины и невыносимой боли. Мозг опрощался, грозя и вовсе погаснуть, но я лишь улыбался, предвкушая освобождение от жуткой правды.

Глава 4.

Понедельник, 3 апреля. Утро

Московская область

Долго я плелся вчера. Шел, шатаясь, часто делая «перекуры» – садился на пенек или согретый солнцем валун, и ждал, пока схлынет изнуряющая слабость. Вставал медленно, как старик, упираясь руками в колени, постанывая сквозь зубы – и шагал. Куда? А в никуда.

Темнело уже, когда я набрел на старый амбар с копнами прошлогоднего сена. За лесополосой дымили печи «неперспективной» деревушки – несколько домишек вразброс, но туда я не пошел.

Что мне там делать?

Закопался в душистую траву, попахивавшую прелью, поднял воротник, и закрыл глаза. До того измотался, что уснул, как в черную яму ухнул.

Пробудился ночью от известного позыва – и холода. Выбрался, ежась, в темноту и тишину. Безмолвие полное, какого в мегаполисе не сыщешь...

Передернулся, вспомнив, как это слово, думая о жене, улыбочиво обронил отец. Я коротко выдохнул, отгоняя потеки траурных мыслей. Уйди, изыди...

Землю застилал туман, кочки с ямками выравнивая сплошным белесым разливом. Звезды мерцали тусклые, им было все равно.

Миллиарды лет вертится галактика, меняя ход светил, искажая рисунок созвездий, а шарам горячей материи лишь бы пылать, швыряясь фотонами во все концы. И какое им дело, отражается ли свет в блеске счастливых глаз или преломляется в слезинке?

Вернувшись под щелястую крышу, я нагреб сена побольше, и укрылся копешкой до самого утра.

Разбудил меня петух, далекий, но голосистый. Подальности скрипнула створка ворот, замычала корова – буренку уводили на пастбище. А на востоке, зачерняя острые вершины елей, калилось малиновое солнце. Зоревые лучи указали мне на удобства – бочку, полную воды.

Я умылся жгучей ледяной влагой, и вытер руки носовым

платком. Пора.

Деревню я обошел стороной, сразу натыкаясь на разбитую дорогу – двумя цепочками луж и промоин она плавно заворачивала за перелесок. После дождей наверняка грязь непролазная...

Как ручей в речку, грунтовка впадала в грейдерованный шлях, а возле самого «устья» ржавел навес с облупленной буквой «А», сваренной из железных полос. Подумав, я присел на истертую лавочку – сил не было вовсе. Пальцы кое-как сгибались, а вот сжать их в кулак не получалось.

Мысли по-прежнему обходили мозг стороной, и я был благодарен организму за то, что оставил меня в покое, не терзая памятью.

Сижу неподвижно, прислонившись спиной к металлическим прутьям. Гляжу на черное поле, что бугрится за обочинной, за нейтральной полосой иссохшего бурьяна, укатываясь к дальнему березняку, испятнанному редкими елками. И тишина...

Ан нет – перебивая редкий птичий гомон, донеслось механическое завывание. За деревьями блеснуло, забелело, и на дороге показался «ГАЗ-53» – синий низ, белый верх. Тонко взревывая, автобус подкатил к остановке, и я поспешно заковылял к распахнувшейся двери.

– Только до райцентра! – крикнул водила в шуршащей болоньевой куртке.

Я молча протянул ему «юбилейный» рубль с потертым

профилем Ленина, и плюхнулся на ближайший диванчик.

В салоне дремали две пышнотелые колхозницы в одинаковых цветастых платьях, только в разных кофточках – левая в красной, правая в салатовой. Но обе в грубых кирзовых сапогах.

Пассажирки любовно обнимали здоровенные корзины, заботливо прикрытые холстиной – видать, на рынок собрались. Склоненные головы дремлющих торговков в платочках качались и мотались в унисон – они то кивали уныло, будто соглашаясь, то вяло отнекивались.

А вот меня спать не тянуло. Да и как тут уснешь, когда дребезжащий пол подпрыгивает и шатается? Измученный, я впал в сонное оцепенение – тупо моргал, глядя за стекло, косо крапленое росчерками слякоти цвета кофе с молоком, и смиренно ждал пункта назначения.

Тот же день, позже

Калининская область

В райцентре я прибарахлился – купил дешевый рюкзачок, чтобы на туриста походить. Наверное, рефлекс сработал. Одет-то я был прилично – полусапожки, джинсы, теплая куртка, вязаная шапочка. Это, не считая белья «Дружба». Но голосуя в таком виде на пустынной дороге, обязательно нарвешься на подозрения. А оно мне надо?

На автостанции работал буфет, там я и перекусил. Котле-

той в тесте. Роголиком. Слабо пахнувшим, но крепко заваренным чаем.

Порывшись по карманам, насчитал четыреста двенадцать рублей – весь мой аванс.

«Этого хватит», – мелькнула одинокая мыслишка.

Я только плечами пожал. Хватит для чего?

Надрывно звенящий «ПАЗик» довез меня до вокзала – низенького зданьица из силикатного кирпича, но с обязательными круглыми часами. Пожелтевшее, словно раскопечгаренное солнце почти закатилось в зенит, когда проходящая электричка подтянулась к платформе, лязгая и свистя. Пассажиры заторопились, всей гурьбой вваливаясь в раздвижные двери тамбуров.

Беспокоился народ зря – в полупустых вагонах мест хватило всем. Скучная кондукторша сунула мне картонный билетик с дырочками, и покати́л поезд до самого Бологого.

А дальше... Не знаю. Где на попутках, где на автобусе доберусь до Устюжны или до Тихвина. Следующая остановка – Петрозаводск. А потом – конечная. Сегозеро.

Там меня никто не найдет. Никого слышать не хочу, видеть не хочу... Даже Риту, даже маму с Настей... Что я им скажу? Как в глаза смотреть буду? Нет.

«В Карелию! В глушь! На Сегозеро!»

Среда, 5 апреля. Вечер

Зеленоград, аллея Лесные Пруды

– Жив ваш сыночек, жив, – старец Корнилий журчал утешительно. – Он всю силу свою неизреченную отцу отдал, всю до последней капли! Человек моих лет на Мишином месте сам бы душу богу отдал – это же сильнейшее нервное истощение, тяжелейшая нагрузка на сердце, на мозг... Я вовсе не пугаю вас, Лидия, просто донести хочу, чтобы верное понятие было, чтоб не боялись зря. Миша молод и здоров, он эту тяготу вынесет! Вы только поймите: сила, о которой я речь веду, у всякого есть, только мало ее в нас. А у Миши – много. Но даже мы, малые сии, бывает, что не выдерживаем утраты той малости, выгораем, как принято говорить, маемся смертельным равнодушием – ацедией, и помираем. И еще раз – не для того говорю, чтобы страху нагнать. Я объяснить хочу вам, отчего ушел Миша. Потеря энергии – истинное потрясение для мозга, первые дни мальчик будет как бы не в себе, горе затмит всякое разумение...

– Миша был в полнейшем отчаянии, – тихо заговорила Рита, вставая. – И винил во всем себя...

Она подошла к окну, где, сутулясь, стояла Настя, и обняла ее. Мишина сестричка безмолвно прильнула к ней, жалобно поглядывая на маму.

Лидия Васильевна казалась рассеянной и безучастной. В строгом черном платье, с легкой муаровой накидкой, укрывшей волосы цветом глубокой ночи, она сидела рядом с Корнилием, обряженным в рясу, и это соседство не вызывало

оторопи.

– Мишечка ни в чем не виноват... – еле выговорила Гари-на-старшая. – Сыночка... Сыночка... – поникнув, некрасиво морща лицо, она спрятала его в ладонях, и обессиленно провела вздрагивавшими пальцами по щекам, размазывая слезы.

Корнилий завздохнул уныло, со смущенным кряхтением потирая колени, но смолчал. Пусть выплачется, легче станет...

Настя расслышала мамины всхлипывания, и заплакала сама. Рита крепче обняла подружку, глядя за окно мокрыми глазами.

«Господи, – проползла мысль, – как же было хорошо в воскресенье с утра! И как потом стало плохо... Бог, если ты есть... ты не любовь!»

Девушка зажмурилась, смаргивая слезинку. Похороны – это такая боль... Вбираешь в себя запах сырой земли, содрогаешься, и понимаешь, чем стоит дорожить. За что цепляться обеими руками, беречь и лелеять – сейчас, при жизни, ибо после не будет ничего. Даже тьмы. Даже пустоты. Небытие...

Петра Семеновича похоронили на Ваганьковском. Народу пришло неожиданно много – не родни, а друзей и товарищей. Весь печальный обряд взял на себя Старос – Лидия Васильевна лишь принимала соболезнования, потерянно кивая из-под темной вуали. Заводскую столовую закрыли на спецобслуживание – молоденькие поварихи хлюпали крас-

ными носиками, глядя на портрет Гарина-старшего в траурной рамке – моложавого, красивого, улыбочивого...

– Батюшка, – тонким голоском выговорила Мишина мама, – я даже не знаю, как это называется... Отслужите за упокой души Пети.

Кашлянув, Корнилий поинтересовался со смущением и тревогой:

– Крещен ли?

– Крещен, крещен... – закивала вдова, терзая платочек. – Петя и не хотел, это я его упросила. Бурчал сначала, а после шутил, «крещеным атеистом» называл себя...

– Всё исполню, Лидия Васильевна, – ласково сказал старец. – Вы только верьте – и надейтесь!

«И любите... – добавила Рита про себя и взмолилась, распахивая глаза: – Мишечка, вернись! Где ты, Мишечка? Мы все тебя очень, очень любим! Ты только живи! Пожалуйста...»

Тот же день, раньше

Карельская АССР, Сегозеро

Лед на озере держался стойко. Сойдет он только на майские, да и то не сразу – стадо ноздреватых льдин будет кружить по водам ещё с неделю, тычась в скалы и берега.

Так что любоваться переливчатым блеском волн мне не доведется. Снег, да снег – белая камчатная простыня засти-

лала Сегозеро. А по ней будто блюда с зеленью – островки, заросшие хвойными. Правда, вдали ледяной покров синел, но вовсе не промоинами – снежные наметы не удерживались, сдуваемые ветрами. Но все равно, простор...

Я медленно шагал по узкому пляжу, и мерзлый песок хрустел под ногами. Смертельная усталость понемногу отпускала меня, освобождая место для переживаний.

Отчаяние, когда впору скулить и выть, пригасло, но никуда не делось, разъедало душу по-прежнему. Мало мне было вины, что тяготила не снимаемым грузом, так теперь еще и стыд в придачу. Ведь я, как тут не крути, бросил своих женщин. Разбирайтесь, дескать, сами. С горем своим, с похоронами... Не мешайте мне страдать в гордом одиночестве!

Медленно втянув в себя холодный воздух, я выдохнул. Вот сейчас, в том состоянии, в котором нахожусь, я ни за что бы не сбежал. Но в то поганое воскресенье Миши Гарина как бы не стало, тогда в лес ломился мой усеченный аватар, подранок, истекающий кровью, слезами и соплями. Безмозглый автомат, ищущий убежища, чтобы зализать раны и вернуть себя.

Я вышел на скалистый мыс. Камень под ногами сглажен и обкатан ледником – никаких острых выступов. Десять тысяч лет назад тут стыла холодная, безрадостная пустыня – каменное крошево, морены да пустые водоемы. Жизнь добралась сюда не сразу, зато теперь есть, на что посмотреть со вкусом...

Мои губы изогнулись в подобии улыбки. Наверное, впервые за крайние дни. Когда вернусь домой, я буду каяться и просить прощения, но сейчас мне нужно собрать себя по кусочкам, как рассыпанный детский конструктор.

«Дайте мне недельки две... – выпросил я мысленно. – Ну, хотя бы недельку...»

Таскаться по берегу замерзшего озера, пусть даже живописному, было трудновато. Мне бы посидеть, а еще лучше – полежать... Дряблые мышцы не желали сокращаться, а энергия, что копилась во мне годиков с трех, иссякла напрочь. Весенний же день короток... Если не найду хоть какую-нибудь хибарку или лодочный сарай, придется всю ночь у костра мучиться, чтобы с утра снова выползти на поиски.

«Ну уж, нет уж...» – вяло потянулась мыслишка.

Осторожно спустившись со скалы, я продрался через густой ельник и вышел на каменистый бережок узкого залива-губы. Ее сплошь затянул прозрачный лед цвета бутылочного стекла, блестящий, как витрина.

Я замер, утомленно хмурясь – метрах в десяти, горбясь над лункой, сидел этакий старичок-боровичок, утонувший в тулупе и здоровенных валенках.

– Вот уж не ожидал застать живую душу в тутошнем безлюдье! – подал голос дедок. Из хилого тельца рвался роко-чущий бас.

– Аналогично, – сухо ответил я, и передернулся.

Старичок хихикнул, живо вскочив. Подхватывая свой

немудренный скарб, он балаболит, перекрывая низкие октавы:

– Э-э, батенька! Кто ж его ведает, путь наш житейный? А коли и знаешь, что толку? Разве упомнишь все повороты да петли? Бывает, пересечешься с человеком, а он тебе не глянется! И думаешь потом, кого ты мимо себя пропустил – случайного прохожего? Или верного друга? – доковыляв до берега, дедок суетливо стащил варежку и сунул костистую руку: – Кузьмич!

Я вяло пожал неожиданно хваткие пальцы.

– Миша. А вы в егерях не состояли? – пошутил натужно.

Дедок не понял юмора, да и кто б его здесь уловил? Об особенностях национальной охоты этот мир просветят лет через ...дцать.

– А как же! – бодро отозвался Кузьмич. – Есть такая запись в моей трудовой! Ага... – он взвесил в руке улов. – Небогато, но на уху как раз. Пойдемте, Миша, угощу! Всякой рыбьей мелочи я уже наварил, а сейчас мы это дело щучкой приправим! Самое то. Ага...

Противиться у меня сил не было. Даже идея всплыла – попроситься к Кузьмичу заночевать. Ведь где-то же он тут устроился! До ближайшей деревни или поселка уйму километров отмахнешь...

– У вас тут зимовье? – поинтересовался я, уточняя диспозицию.

– Вроде того! – охотно откликнулся дедок. – Во-он в том

ельничке. Пройдешь мимо – и не заметишь! Там раньше скит стоял, я на него еще в войну наткнулся. Ага! Партизан был тут. Охотиться не люблю, вообще-то, зверюг жалею, зато поголовье финнов снижал с удовольствием! Сперва, как пацан, зарубки делал на прикладе, а потом бросил. Глупости это, да и зачем винтовку портить? А у меня «Манлихер» был, с цейсовской оптикой. Вещь! В сорок третьем, правда, на «Маузер» перешел – когда тут немцы появились. Этих я снимал с особым чувством. Ага... Пришли!

– Ничего себе, – вежливо удивился я.

Избушка притулилась к отвесному боку скалы, а огромные ели обступили ее полукругом, как стража, застя черно-зелеными лапами. Даже продравшись через их колючий заслон, мало что увидишь. Бревенчатые стены, и те скрывались за штабелями торфа – утепление по древней методе. А крышу прятал нарезанный дерн – из-под шапочки зернистого снега выглядывали спутанные космы бурой травы. В мае кровля зазеленеет, растворяясь в лесу совершенно.

Всё это я видел, примечал, но стрелка эмоционального отклика дрожала у нуля. Лишь бы спрятаться, забиться – и пропасть для суетного мира.

– Прошу! – Кузьмич отворил толстую дверь, подвешенную на кожаных петлях, и я, пригибая голову, вошел.

– Основательно...

– А то! – гордо хмыкнул дедок.

Пол выстлала деревянные плахи, вроде шпал, сбитые ак-

куратно и почти без щелок. Земляную крышу подпирали два вильчатых столба, а потолка как бы и не было – над головою скрещивались стволы балок и стропил, между которых желтыми пузырями продавливалась береста. Правда, увидеть «гидроизоляцию» из березовой коры было затруднительно – сверху, цепляясь за штырьки, свисали шуршащие пучки трав и соцветий.

– Скидывай свою одежду, тут тепло, – Кузьмич притворил дверь и прошел в угол, где топился камин из дикого камня. На решетке парил большой котелок, а почерневшие головни изредка распускали языки пламени, облизывая круглое дно.

Я стянул с себя куртку – сразу стало легко плечам – и опустился на край топчана. Рука погрузилась в густой коричневый мех.

– Пришлось завалить косолапого, – вздохнул дед, ловко кромсая щучью тушку. – Обнаглел, потому что...

Забросив рыбы шматки в котелок, Кузьмич поколдовал, добавляя вареву травок и кореньев. Дух такой пошел, что всё мое нутро скрутилось в голодном спазме. Макароны пофлотски в придорожной кафешке не в счет...

– Не спрашиваю, что случилось, – дедок неожиданно взял серьезный тон, приводя меня в замешательство. – Вижу, что худо, да и ладно. Уж не знаю, случайно наши дорожки скрестились, или жребий таков, а только, пройди ты тут часом позже, не застал бы меня. Уху я на дорожку варил. Поем, думаю, да и свалю. Обратно в Ленинград. Надышался вдо-

сталь! Ага... Я сюда вернусь, когда ягода поспеет, морошка да княженика. Вот уж, где красотень! А ты оставайся. Только, когда уйти надумаешь, дверь на засов, чтоб зверье не безобразничало... – легко вскочив, он поднял крышку самодельного ларя. – Тут, вон, и соль, и сахара чуть, и сухари... И заварка! Снасти мои на стенке. Ружья нет, да и ни к чему оно тут... Короче, поправляйся. Здешняя тишь душу лечит безо всяких снадобий... – дед приняхался, и потер руки, заново обращаясь в веселенького балагура: – Кажись, поспела ущица! Налетай!

* * *

Сумерки опадали на Сегозеро, когда я выбрался «на улицу». Лед посинел, набираясь вечерней густоты, и четкие параллели лыжни перечеркивали снежный наст.

Кузьмичу было далеко за шестьдесят, но двигался он с неумолимостью добра молодца. Скатился с гиканьем по склону, да как надаст! Скрип потревоженного снега разносился ясно в озерном безмолвии. Я досмотрел, как крошечная фигурка таяла в дальней синеве, и вернулся в избушку.

Из омота памяти поднималась муть аналогий – узнавалось сходство зимовья с жилищем киношного ведьмака, но я отмахивался от духовных потуг. Рано еще увязывать сущее с выдуманным.

Скинув ботинки, прошлепал к топчану и улегся, подло-

жив под голову куртку. Вверху покачивались «веники» и «букеты», шурша на сквозняке. Единственное окошко, размером с амбразуру, пропускало мало света, да и тот затенялся хвоей. Зато разгорались поленья в камине – сыроватые дрова подсыхали на калившихся углях и трещали всё веселее, бросая оранжевые отблески.

Было неприятно чувствовать себя немощным, валяться, как выброшенная на пляж медуза, но я терпел. Надеялся, что это временно. Поживу тут, на ухе да на травяных отварах, оклемаюсь. Даже приступы отчаяния, когда мычишь, шипишь да жмуришься, утихнут и пройдут, сменяясь светлой печалью.

Всё минует. Лишь иногда нахлынут тошнрые воспоминания. Ну, что сказать? Бывает. Время лечит и время калечит...

Глубокий вздох опорожнил мои легкие. Однажды я едва не потерял свою долбанную энергию, да и жизнь заодно. Вспомню, как тогда болела голова, раскальвалась просто, аж в дрожь бросает. Но даже в те окайнные дни я не чувствовал себя настолько странно – как обычный человек.

Всегда, лет с четырех, как минимум, во мне жило неявное ощущение заряженности, что ли. Эманация мозга постоянно пульсировала во мне, любой перепад настроения тут же отражался всплеском тепла в лобных долях. Присутствие Силы было так же естественно и незаметно, как дыхание или биение сердца.

А любая встреча тут же запускала то, что я называл сканированием – моя натура чуяла психосущность человека, распознавала его характер, отношение ко мне.

А нынче – пусто. Тот водитель лесовоза, что подкинул меня до Медвежьегорска, или Кузьмич – кто они? Какие они? Я же не привык по внешнему виду разгадывать суть человеческую! Высматривать тайные движения души в выражении лица, в глазах, в улыбке, в голосе... Мне это не дано.

Впервые в жизни я чувствовал себя неуверенно с людьми, следил за ними с опаской и напряжением. Мне еще повезло, что не встретил на пути действительно опасных типов. Да пусть даже мои мышцы окрепнут, что толку? Я ведь ничегошеньки не смыслю в уличной драке! Мне незачем было потеть в спортзале, отрабатывая прием или бросок, выводя связку движений на уровень рефлекса. Зачем? Удар на сверхскорости – и всего делов! Противник повержен. А сейчас как?

Я усмехнулся, и стал подниматься – опершись локтем, присев и выпрямив руку, оттолкнувшись и встав.

«Хватит валяться...»

Подбросил дров. Зажег керосиновую лампу. Прикрыл тусклый огонечек стеклом, и тот сразу поярчел, затрепетал под тягой. А я с неохотой подхватил старый медный чайник.

– Надо, Миша, надо! – забубнил, увещевая.

Обувшись и накинув куртку, я побрел по тропе к родничку – ключ бил из трещины в скале, перемерзая лишь в силь-

ные морозы.

Струйка ударила в днище с гулким звоном, забила колокольчиком. Полчайника хватит, а то не донесу...

По дороге я замер, глядя, как на западе, за пильчатой линией леса, догорает багровая полоса.

«А ведь мне удалось бы воскресить отца, если бы я не делился с эгрегором... – змеиным извивом скользнула мысль. – Ну, тогда и самого эгрегора не было бы. А он важен. Он нужен!»

– Я был прав! – мои губы бросили угрюмый вызов закату, и тот угас.

Глава 5.

Пятница, 7 апреля. День

Тегеран, район Эвин

Вертолет ревел и грохотал, угнетая сознание. Рехаваму Алону чудилось, что обе лопасти вот-вот сорвутся и усвистят в дымку над улочками.

«Ломье винтокрылое...»

Внизу проползали крыши, деревья, дворы, а впереди, вздымаясь над мутной пеленой смога, зеленели горы. Вершины подрагивали и шатались, словно вся твердь земная пришла в движение, вызывая тошноту и страх.

«Кончик света...»

Алон поплотнее нацепил шлем с ларингами – без «горшка» вообще никаких переговоров. Разве что жестами. Да еще сам вертолет будто тормозил его – волны крупной дрожи прокатывались по «Хьюи», сотрясая конструкцию, и полковнику было нехорошо.

– Всё в порядке, рабби! – обернулся Ливлат. Пользуясь ларингофонами, он еще и орал во всю мощь необъятных легких. – Перебрали двигун, задали «вертушке» полный чек-ап!

– Ну, ты меня успокоил... – проворчал Рехавам.

Пилот весело расхохотался, а полковник, насупившись, зыркнул на Ари.

– Готов?

Кахлон, чьи родичи перебрались на Землю Обетованную из СССР, белозубо оскалился:

– Всегда готов! – и похлопал по блоку стволов «Минигана».

Юваль, в сотый раз проверявший лебедку, молча показал большой палец. Норма!

Полковник кивнул, и сосредоточился, подобрался, как леопард перед прыжком – впереди завиднелась бетонная коробка тюрьмы. Сердце забилося чаще, язык вязало медным привкусом адреналина, но и веселье, бешеное веселье распирало старые косточки. Так с ним всегда было, стоило лишь оказаться на самом краю.

«Я как этот «Ирокез», такое же старье, – мелькнула мысль. – Скриплю, колочусь, но пружина вперед!»

– Готовность раз! – крикнул Алон.

– Готовы, рабби!

Вертолет, чуть кренясь, описал дугу – под его облупленным брюхом наклонно плыли тюремные блоки – и завис над двором-колодцем. Свистящий рокот и вой обрушились вниз, закручивая вихрь – в пылевой метели запорхали сорванные фуражки тюремщиков.

– Майна! – захохотал Ари.

Ливлат плавно, даже нежно повел вертолет вниз – кончики лопастей мелькали в паре шагов от решеток и окон. Юваль откатил дверь, но пульсирующий гром усилился лишь на чуточку. Зато ветер ворвался в кабину, плотный, тугой, почти осязаемый.

– Вон он!

– Спускай!

Тросик лебедки стремительно опал вниз, раскручиваясь под яростным напором воздуха, взбитого винтом. Масуд Раджеви – невысокий, заросший черным волосом, подпрыгнул, хватаясь за петлю. Его рот кривился в отчаянном напряжении, но крик гас в оглушительном рокоте.

– Подъем!

Лебедка неслышно взвыла, натягивая тросик.

– Ари! Слева!

Кахлон, щеря зубы, резко наклонил пулемет. Двое вертухаев вскидывали автоматы, когда «Миниган» взвыл, испуская мерцающие струи огня. Два удара сердца – и сотня пуль

раскромсала тела, швыряя кровавые ошметки.

– Вира! Вира!

Ариэль не смог отказать себе в удовольствии – прошелся очередью по окнам тюремного начальства, вынося рамы, превращая шкафы с документами в щепки и бумажную труху.

– Порядок!

Вертолет взмыл над тюрьмой, и чуть клонясь, понесся к горам. «Хьюи» словно спешил вырваться из мглистых миазмов огромного, опасного города, умчаться поближе к свежести и чистоте небес.

Юваль с Ари подхватили бледного Раджеви и втащили в кабину.

– Ташаккур, – лепетал зэк, разлаписто переваливаясь, – бессяр ташаккур...

– Не за что! – ухмыльнулся Алон.

Масуд, без сил припав к вздрагивавшему борту, развел губы в счастливой улыбке, и хрипло захохотал, выдыхая былые страхи, тревоги и боли.

* * *

«Хьюи» сел на горном уступе, сдвигавшем лесистый склон потеками рыжей глины и осыпями острого скальника. Едва лыжи коснулись каменистой почвы, за которую упорно цеплялись жесткие, чахлые злаки, спасатели и спасенный

бегом покинули вертолет.

Пелед уже выруливал на подержанном «Пейкане». Словно подгоняемый ветром, срывавшимся с лопастей, Алон подбежал к машине, и нырнул на переднее сиденье.

– Живее! – гаркнул он. – САВАК уже спустила с цепи всех своих псов!

Спецназовцы стеснились на заднем сиденье, зажав исхудавшего Раджеви, и Гилан мягко выжал газ, трогаясь.

– Быстрее, – буркнул Юваль, – сейчас рванет.

– Это ужасно, – ухмыльнулся водила, поглядывая в зеркальце заднего вида.

Лопасты винтокрылой машины докручивали последние обороты, когда изнутри блеснуло палящее пламя. Не уместаясь в металлической утробе «Хьюи», огонь и дым рванулись наружу, разнося вертолет и раскалывая воздух грохотом, ломким и резким. А уж как падали обломки, как клубящееся облако гари, закручиваясь, всплывало к небу, Пелед не досмотрел – обшарпанный «Пейкан» шустро свернул на дорогу к горнолыжному курорту, и покатил вниз, с завизгом тормоза на поворотах.

Улыбаясь, Алон повернулся назад.

– Не тесно?

– Не, рабби, – серьезным тоном ответил Юваль. – Диванчик как раз на троих, а эта худоба, – он небрежно хлопнул по плечу Кахлона, – как бы не в счет. Ари только в профиль и видно.

– Сейчас кто-то получит, – мрачно пообещал Ариэль.

Раджеви понимал с пятого на десятое, натужно улыбаясь, и Рехавам медленно, спотыкаясь, как попало расставляя удара, заговорил на фарси:

– Очухались, Масуд?

– Д-да, вполне, – закивал спасенный. – А... кто вы?

– Да так, проходили мимо... – Алон кашлянул и построжел. – Кто мы, неважно, а операцию по вашему освобождению задумали в Советском Союзе. Только запомните, Масуд: вы ничего никому не должны, даже КГБ СССР. Просто русские поставили на вас. У иранских коммунистов – полный раздрай, а поддерживать болтунов из Туде – только время и деньги терять...

– И... зачем я тогда русским? – напрягся Раджеви.

– А вы нужны не русским, а иранцам, – спокойно заговорил Юваль. Его выговор был безупречен.

– Именно, – заворчал Алон. – Шахский режим вот-вот падет, и кто тогда подхватит власть? Существовала реальная опасность установления диктатуры аятолл, но мы ударили первыми. Теперь ход за вами. Только свергать шахиншаха нужно по уму, так, чтобы страна не впала в хаос, не потерпела крушение, а благополучно выплыла – уже с новым кормчим. И почему бы вам не занять вакантное место у штурвала? А русские... – он пожал плечами. – Вы же хотите строить социализм, пусть даже в исламской обертке? Вот и стройте! А Советский Союз вам поможет...

«Пейкан» догнал старенький автобус, пристраиваясь сзади, и очень вовремя – раздирая воздух сиренами, вверх, к перевалу, рвались машины с мигалками и даже легонький броневичок.

Масуд нервно сглотнул, а белая кожа узника, не знавшая солнца, побледнела еще больше.

– Если все так... – промямлил он, и выдохнул: – Я согласен.

Алон лишь кивнул, удобней устраиваясь на сиденье.

– Мы свезем вас к верным товарищам по партии, и я объясню, как выйти на советского резидента. Только свяжитесь с ним обязательно! Времени очень мало, а Иран бурлит...

Раджеви задумчиво кивнул. Затем, встрепенувшись, протянул руку, и полковник Моссада крепко пожал ее.

*Понедельник, 10 апреля. День
Карельская АССР, Сегозеро*

Колун развалил березовую чурку одним ударом. Звонко лопнув, половинки шлепнулись по сторонам колоды. Я и их расколочил, по очереди. Вот теперь можно и топориком поработать, а то больно здоровы поленья...

Нарубив дров, я выпрямился и отер лоб. Окреп, однако. В пятницу, помню, едва три чурки осилил, а нынче десятую надвое делю, и хоть бы что. Не запыхался даже.

– Сила есть, ума не надо... – мой голос звучал немного

дикое в стыллой тишине. Да и тюпанье топора воспринималось как нечто противоестественное, даже кощунственное, вроде матерной частушки в церкви.

Величественные колоннады сосен хранили тишину и ловили ветер хвоей. Озеро и вовсе молчало, досыпая. К маю лед прорыхлеет, вот тогда ночной воздух наполнится протяжными гулами, темнота пугать станет утробным, скребущим треском подвижек. А пока гладь, да твердь.

И зверья не видать. Так только – белка сквозанет, заяц мелькнет... Пару вечеров волки выли, хором, да так слаженно – заслушаешься... Но даже волчий вокал не был чужд здешним дебрям, скалам и водам – их грязнят погадки цивилизации, однако горизонты оставались чисты. Даже распахнутую синеву неба не портили инверсионные шлейфы.

Заводские трубы, железные дороги, холодные «Икарусы» и теплые «ЛиАЗы» – всё это было, но далеко от тутошней глухомани.

Покачав в руке топор, я воткнул его в колоду. Присел, и набрал в согнутую руку увесистую охапку дровишек. Камин хорош вечером, когда огненная засветка шатается по бревенчатым стенам, и мерещится, будто избушка еле-еле переступает куриными ногами, а метелки трав под сводом покачиваются ей в такт.

Но до чего ж прожорлив камелёк! Сколько он дров на дым переводит...

Окунувшись в сухое тепло зимовья, я подкормил обжору,

а сам рядом присел, сумрачно следя, как по изжелта-белым полешкам расползаются угольно-черные пятна, смыкаясь и трескаясь под суматошными извивами огня.

Если равнять мое настроение с градусником, то оно замерло на отметке чуть выше нуля. Физически я пришел в норму. Сегодня, вон, зарядку сделал, аж десять раз отжался. Ну, про душевные терзанья лучше не вспоминать, а вот ментальный ресурс, похоже, выработался вчистую. Ноль целых, ноль-ноль...

Я не верил в окончательность потери моих «сверхспособностей». Конечно, слить всю силу – это слишком круто даже для юного организма, но восстановиться можно. Мозг же никуда не делся, вот он, весь тут – серая жижа, обиталище разума, души и прочих расплывчатых понятий. Значит, и энергия его несказанная с ним. Копится, набирается по капельке...

– Да и хрен с ней... – проворчал я, легко, без прежней истомы вставая. Надо бы еще парой охапочек запастись.

Прикрыв дверь за собой, шагнул – и замер. На местный саундтрек наложился новый звук, механический и гулкий, похожий на вой спортивного «Яка», идущего на посадку.

Хмурясь и злясь, я поплелся на скалу. Это был не самолет – к заливику, где схоронилась избушка, скользил по льду катер на воздушной подушке, наверняка самодельный – уж больно мал, не крупнее моторки. Разве что шире, да и то за счет надутой «юбки».

Воздух нагнетателя сдувал снег, тот клубился, опадая, и снова вихрился за кормой, под рокот винта. Ближе к берегу «ховеркрафт» пошел юзом, но вот тяга упала, и катер осел, тормозя примятой «любкой».

Ошибки не было, неведомый гость пожаловал именно ко мне. Кисло поморщившись, я спустился на пляж, встречая... Вайткуса.

Да, это был он. В своей роскошной куртке из меха кенгуру, в невообразимых унтах, с улыбкой Гагарина на обветренном лице.

– Ромуальдыч? – растерянно вытолкнул я.

– Етта... Угадал!

Технический директор крепко сжал мою руку, и я тут же попал в его медвежьи объятия.

– Всё понимаю, Мишка, – ворчал он, тиская меня за плечи, – даже лучше, чем твои девчонки. Я бы еще дальше ушел – в запой...

Отстранившись, Ромуальдыч пристально поглядел на меня.

– Видишь, как выходит... Вроде, и знаешь ты судьбу, а она тебе все равно подлянку устроит...

Я лишь плечом повел – говорить не хотелось.

– Ладно, – вздохнул Вайткус. – Тебя ищут, хоть и негласно. Милиции никаких ориентировок не давали, работают опера КГБ, плюс информаторы. Думаю, етто приказ Андропова...

– А вам кто приказал? – без улыбки спросил я.

– Рита твоя, – усмехнулся Ромуальдыч. – И Настя сразу надела, и Наташка... Они все ко мне на работу заявили. Сестричка твоя уроки прогуляла... Я не ябедничаю, просто обстановку рисую. Во-от... Ну, ты ж в курсе, друзей у меня хватает. Стал интересоваться. И тут один мой однополчанин дозвонился. Партизанская кличка «Лютый». А в миру – Лютов, Егор Кузьмич, капитан НКВД в отставке...

– Дальше можете не объяснять, – фыркнул я невесело, и вздохнул, длинно и тяжело. – Ну, что? Сразу двинем? Или завтра с утра?

– А чего ждать? – оживился Вайткус, радуясь, что долго уговаривать не пришлось. – Вон, аппарат хозяину вернем – и на мою «Волжанку» пересядем!

Кивнув, я вернулся в избушку. Дрова в камине прогорели, но струя из чайника лишней не будет – с шипеньем испускающая пар, погасли рубиновые угольки. Осмотревшись, я решил «наказать» Кузьмича – стяжал баночку с вареньем из морошки.

Заперев дверь на засов, спустился к берегу. Мотор катера на воздушной подушке уже рокотал, поддувая в резиновый «кринолин». Протиснувшись в маленькую дверцу, я кое-как уместился на жестком сиденье.

– Готов? – бодро спросил Ромуальдыч, стаскивая шапчонку.

– Нет, но... – вздохнул я. – Поехали!

Энергично кивнув, Вайткус добавил мощи нагнетателю. По корпусу прошла дрожь, пущенная винтом, и аппарат со свистом и клекотом разогнался, понесся, едва касаясь льда. Качнулся на снежном намете – и вокруг за клубилось облако, вспухая и серебрясь.

А во мне вдруг зародилась робкая, нестойкая радость. Словно все свои печали я оставил позади, за стенами стывшего зимовья.

Мы плавно обогнули скалистый островок, сплошь заросший высокими, стройными соснами, и впереди распахнулась голубая даль.

«Всё будет хорошо?» – подумалось мне.

Вторник, 11 апреля. Утро

Москва, Кремль

Андропов подмахнул последнюю бумагу, и снял очки – тонкая золотая оправка блеснула на солнце. Отерев лицо ладонями в манере правоверного перед намазом, он сложил их перед собой и прижал к губам. Задумчиво потерся носом.

Вспомнилось, каково было зимой. Занял должность Президента СССР – и что?

«Сбылось! Сбылось!»

Секунды счастья, а после накатило разочарование и какая-то опустошенность. Но Миша был прав: в кремлевском кабинете его ждало не окончание долгого пути, а лишь на-

чало.

Чтобы стать Сталиным, мало занять пост председателя Совнаркома. Нужны годы работы, наивысшее напряжение ума и воли. Бороться нужно – через «не могу», отвергая слюнявое «не хочу» и утверждая железное «так должно быть».

Юрий Владимирович встал из-за стола, по привычке поправив «рогатые» часы, и подошел к окну. Он уже не раз замечал, что именно здесь, откуда открывается вид на Троицкую башню, его переполняют горделивые мысли.

Кремлевская стена... Садовое кольцо... МКАД...

Как будто волны расходятся «от Москвы до самых до окраин»! Всего-то и нужно, чтобы эти волны разносили ум, честь и совесть, подхватывали пользу и смысл – на благо своим, на страх врагам.

А твоя задача, товарищ президент, выбрать самые лучшие решения. Трудно? Еще как! Зато сколько сразу приливает довольства, стоит найти правильный ответ на сложную задачу!

Мода обходит стороной магазины «Одежда»? Подключим братские страны и капиталистов в ОЭЗ! Что, фабрика «Большевичка» не довольна социалистической конкуренцией? А вы не ждите окриков сверху, товарищи швеи и швейники, будьте социалистическую предприимчивость снизу!

Малолюден Дальний Восток? Сделаем Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Хабаровск, да хоть Уссурийск городами-миллионерами! С высокими зарплатами, с квартира-

ми улучшенной планировки, с шикарными дорогами. А в отпуск дальневосточники будут летать во Вьетнам и Шри-Ланку, на Мальдивы и Сейшелы...

– Юрий Владимирович? – в кабинет заглянул Василь, поднявшийся в звании до майора, а в чине – до секретаря. – К вам товарищ Иванов.

– Запускай! – ухмыльнулся Андропов.

Борис Семенович, как всегда, изобразил наивысшую степень почтения, едва не исполняя реверанс.

– Боря, – ласково пропел Ю Вэ, – кончай строить из себя!..

– Кого-с? – прогнулся генерал-лейтенант. Мигом уразумел, что переступает черту, и вытянулся: – Виноват, исправлюсь! Просто настроение с утра... хм... игривое. В смысле, хорошее.

– Хочешь, чтобы я его тебе испортил? – проворчал Юрий Владимирович.

– Никак нет!

– Тогда докладывай, игрун...

Иванов поправил очки, и взял серьезный тон.

– Мы проследили за товарищем Вайткусом... – начал он деловито, но все же не удержался от драматической паузы. – Арсений Ромуальдович обнаружил Мишу Гарина.

– Где? – вырвалось у Андропова. Ему даже показалось, что рубиновая звезда на шпиле Троицкой полыхнула красным, воссияв в лучах.

– В Карелии, на озере... э-э... на Сегозере. Оба возвра-

щаются. Мои их... хм... сопровождают.

– Уф-ф! – облегченно выдохнул президент. – Ну, слава тебе... – он остро глянул на своего визави. – А что по этому... стрелку? Разузнали что-нибудь?

Иванов сверкнул стеклами очков.

– Товарищ Цвигун копает глубоко, и кое-что нарыл. Можно считать доказанным, что приказ о ликвидации Гарина отдал в Белом доме. Но вот сам ликвидатор... Это не агент ЦРУ, а частное лицо. Наемный убийца. Он пару раз мелькнул в Америке и Европе, но, похоже, «лицензию на убийство» ему выдал кто-то из больших боссов – следы уводят к кланам Рокфеллеров, Ротшильдов, Морганов и прочим сильным мира сего.

– Для зачина годится... – потянул Юрий Владимирович. Расцепив пальцы, он легонько шлепнул ладонями по столу: – Копай, Боря, копай!

– Есть копать, товарищ президент!

Глава 6.

Вторник, 11 апреля. Вечер

Зеленоград, аллея Лесные Пруды

«Сегодня – девять дней...» – мелькнуло у меня, стоило Вайткусу подъехать к дому.

– Дальше я сам, – мои губы дернулись в жалкой, стыдли-

вой усмешечке.

Ромуальдыч пожал мне руку, глянув грустно и понимающе.

– Давай, Миша...

Кивнув, я выбрался из машины, и тяжело поднялся по ступеням к дверям парадного. Усталость давно покинула тело, но ноги будто вязли в болоте – скованность, неловкость выросли скачком, понуждая ёжиться душу.

«Возвращение блудного сына...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.